

ОЛЕГ БАРО

**ГЕРОИ
ПОНЕВОЛЕ**

Герой поневоле

Олег Бард

Герой поневоле

«Литнет»

Бард О.

Герой поневоле / О. Бард — «Литнет», — (Герой поневоле)

Он видел, как погибает мир. Его убили, но он вернулся, чтобы... Ответа нет. Ему снова четырнадцать, он не самый прилежный ученик из небогатой семьи. Возможно ли все исправить? Кто и зачем вернул его? Если будущее предопределено, почему по его следу идут таинственные контролеры?

Содержание

Глава 1. Недалекое будущее, Канада.	5
Глава 2. 1993 г., конец апреля, небольшой поселок на юге России	8
Глава 3. Преобразование	12
Глава 4. 300 минут	16
Глава 5. Точка бифуркации	21
Глава 6. Точка номер два	28
Глава 7. Павлик на тропе войны	35
Глава 8. Плюс один	39
Глава 9. Презрение и любовь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Герой поневоле

Автор: Олег Бард

Глава 1. Недалекое будущее, Канада.

Сегодня, двадцатого апреля, температура впервые опустилась до -45. В середине марта, когда начало холодать, мы думали, что скоро потеплеет. Теперь же и оптимисты уверились: будет только хуже.

К блокпосту близ Висконсина все прибывали и прибывали трейлеры с севера. Тысячи, миллионы людей бежали на юг, в США, от неминуемой гибели, а за ними, опираясь на подламывающиеся ложноножки, спотыкаясь, но не останавливаясь, звеня, как миллион бьющихся бокалов, с севера наступал ледник. Сковывал вековые сосны, сминал дома, тащил многотонные каменные глыбы, водружал на завоеванных территориях вместо победных знамен. Два дня назад лед вторгся на север Онтарио.

Наш трейлер подперли сзади, при всем желании было не развернуться, и он превратился в огромный оледенелый сугроб. Мне приходилось периодически прогревать мотор, чтобы он не заledenел. Обнявшись с Лёвушкой, Оля покачивалась из стороны в сторону и бормотала молитвы, из машины они с сыном не вылезали, а я иногда выбегал, чтобы разведать обстановку.

Порою ненадолго снег прекращался, открывая взгляду заснеженные крыши трейлеров, внедорожников, грузовиков, автобусов, выстроившихся перед пропускным пунктом. Легковушки по заснеженным дорогам проехать уже не могли.

Стоящий впереди внедорожник зарычал, тронулся, стряхивая снег с крыши, и я вернулся за руль. Ожившие дворники смахнули с лобового снег, захрустели о наледь.

– Что там? – спросила Оля, закутанная в шубу, в шапке по глаза, погладила Лёву, спящего на ее коленях – вдвоем теплее. Столик она трансформировала в диван и теперь полулежала на нем, упираясь спиной в стену.

– Ничего, – ответил я, поглядывая назад. – Одни говорят, что пропускают, другие – что разворачивают назад, что якобы Штаты прекратили принимать беженцев, и к границе стягивают грузовики с силовиками.

– У меня американское гражданство, – без особой уверенности проговорила Оля, кивнула на нашего сына. – И у него...

Внедорожник впереди засигналил и остановился, мы тоже встали. Позади возмущенно заголосили клаксоны. Лёва укутался в спальник и перевернулся со спины на бок.

– Что там опять? – Оля вытянула голову, глядя вперед.

Донесся рокот мотора, впереди промелькнула туша вертолета, раздались хлопки. Внедорожник резко сдал в сторону, впечатался нам в бампер, но все-таки развернулся и рванул в сугроб, проехал десяток метров на север и увяз.

– Что это? – омертвелым голосом спросила Оля. – Стреляют? Паша, неужели они открыли огонь по мирным? – Она помотала головой. – Не посмеют!

Перед глазами промелькнули сюжеты новостей, которые мы с замирающим сердцем смотрели, когда еще работали телевышки. Париж: мародерства, грабежи, разбой. Россия: массовые расстрелы беженцев из северных стран, надо полагать, что и собственных граждан, военное положение, закрытие границ, замешанный на крови порядок. Пекин: мародерство, грабежи, протесты и расстрелы. Наводнение в Египте. Военное положение в Греции, массовые расстрелы беженцев с севера. Тайфун в Тихом океане, практически уничтоживший Японию. Цунами, смывшее часть Индонезии и Филиппин.

«Еще как посмеют, – подумал я, но промолчал. – С человечества слезла маска цивилизованности, обнажив звериный оскал и готовность рвать глотки за кусок хлеба».

– Внимание, внимание! – Над очередью машин громыхнул усиленный громкоговорителем голос. – Ввиду того, что в США введено чрезвычайное положение, прием страной иностранных граждан временно прекращен. Убедительная просьба, соблюдая порядок, зарегистрироваться в пропускных пунктах и получить талоны на еду. Повторяю...

Оля не выдержала, вскочила, порываясь выбраться из трейлера. Лева засопел, но не проснулся.

– У меня гражданство! А ты мой муж, мы семья, нас должны пропустить... Пойдем пешком!

– Успокойся, – держа ее за талию, проговорил я. Развернул от двери в салон. – Там может быть опасно. Оставайся здесь, я схожу, разведу что и почем. Только дай-ка сфотографирую твой паспорт.

Оля села за столик, вынула из сумочки документ и протянула мне.

– Все эти люди замерзнут, когда закончится бензин в машинах. Тут же нет заправки! Неужели они убьют столько народу? Не верю... И ведь правители, сволочи, сейчас наверняка греются на каком-нибудь острове, а нас тут бросили погибать!

– Все будет хорошо, – сказал я совсем не то, что думал. – Дождись меня.

Надел меховую шапку, пуховик, варежки с овчиной и выпрыгнул в мороз. Мимо, кутаясь в воротники, к пропускному пункту тянулись люди, переговаривались, но слова заглушал свист ветра. Я шел вместе со всеми по протоптанной дорожке, мимо машин, выстроившихся в два ряда. Теперь понятно, что происходит: граница на замке. Пока спасающихся канадцев кормят обещаниями, к ней стягивают оружие и технику, чтобы не допустить прорыв, потому что грядет голод, еды на всех не хватит, и правительство решило пожертвовать иностранцами. Все дороги с севера во всем мире заблокированы.

Остается надеяться, что Олю и Лёву пропустят как граждан США. Я как-нибудь выкручусь, ползком проберусь, в военные подамся – благо опыт есть.

А люди... Их приговорили к смерти. Даже если они прорвутся на этом блокпосту, их встретят и расстреляют на следующем.

Творится что-то невообразимое, и дело не только в наступающем леднике. Землетрясения, наводнения, тайфуны, вспышка неизвестной болезни в Австралии, необъяснимая муть на небе, из-за которой не видно звезд – мир погибает. И вряд ли мне удастся защитить жену и семилетнего сына. Что может один человек? Только не сдаваться до последнего. Но если барахтаешься не в молоке, а в воде, из нее не взбить сметаны.

Ноги проваливались в сугробы, глаза щипало от мороза. Еще раз прогремело сообщение от правительства, и я заметил столпотворение: пропускной пункт оцепили военные, одетые в белые ватники поверх формы и шапки-ушанки. Вояки держали черные щиты, какие часто используют при разгоне демонстраций. В двух местах я заметил «хаммеры» с пулеметными точками.

Отсюда было не разглядеть, но я уверен, что военные вооружены автоматами с подствольными гранатометами.

Прибывающие люди выстраивались в три очереди возле заметенного снегом грузовика с, очевидно, обещанными продуктами. Снова повалил снег, из-за секущего ветра на глаза наворачивались слезы, и видимость стремилась к нулю.

К рыку бензогенератора добавился рев моторов, я обернулся на звук. Вздывая фонтаны ледяных брызг, из-за машин, стоявших в два ряда, выскочили один, два, три снегохода, на каждом было по два пассажира. Не сбавляя хода, они неслись на хлипкое ограждение погран-заставы.

– Люди! Нас обрекли на смерть! – крикнули в громкоговоритель, но теперь со стороны ожидающих. – На прорыв!

На месте «хаммеров» расцвели огненные розы взрывов. Громынуло. Взвыла сирена. Контрольно-пропускной пункт тоже разворотили из подствольника. По протоптанной людьми дороге к взорванному забору рванул военный грузовик – я шарахнулся к трейлерам, которые тоже завели моторы и поехали к свернутому шлагбауму.

Что же вы делаете, мужики! Точнее, делаете все правильно, но как же не вовремя!

Надо валить! Скоро тут будет кровавая каша.

Я развернулся, отметив, как с территории США поднимается вертолет, и рванул назад. От трейлера я прошел метров двести, Олю боевые действия зацепить не...

Навстречу мне, петляя, неслись два броневика-снегохода с пулеметными точками на крышах, я побежал к трейлерам подальше от бунтовщиков. Колонна машин ожила и двинулась к границе. Наверняка многие водители не знали, что едут на бойню.

Повалил снег стеной, играя на руку канадцам. Позади загрохотал пулемет, что-то бахнуло, и снегоход в десятке метров от меня взлетел в воздух, подкинутый взрывом. Накрыв голову руками, я рухнул в снег. Грянул второй взрыв, засвистели осколки.

Сквозь звон в ушах прорывался грохот стрельбы. Я лежал в снегу, накрыв голову руками. Кричали люди. Толпа хлынула от КПП назад, к своим трейлерам, им наперерез бежали канадские вояки. Неподалеку кто-то заорал, упал в сугроб, запричитал там, потом хрипнул и смолк.

– На прорыв, бараны херовы! – орали канадские военные. – Это наш единственный шанс!

Я приподнял голову. Люди падали, скошенные очередями, из-за снежной пелены было непонятно, кто в кого стреляет: то ли канадцы в толпу, пытаюсь развернуть беженцев и прикрыться ими, то ли американцы.

Валяться в сугробе на линии огня было опасно. Отсвечивать – еще опаснее. Но Оля осталась одна...

...Сперва меня ослепило вспышкой, подкинуло вверх, и лишь потом грянул взрыв, оглушая, пронзая болью. Мир превратился в картинку калейдоскопа, погас, сжался до размеров ослепительно-белой точки, куда меня влекло с неудержимой силой.

Мысли успокоились, проблемы отодвинулись – я понял, что умираю. Осталось сожаление, что не обнял жену на прощание. Точка увеличивалась, притягивала, меня обволокло спокойствие, умиротворение, хотелось скорее раствориться в сиянии, стать светом...

А потом удар невиданной силы – и я перестал существовать.

Глава 2. 1993 г., конец апреля, небольшой поселок на юге России

Елена Ивановна расхаживала по кабинету, рассказывая о строении толстого кишечника. Красивая, высокая, ладная, в бежевой блузке и коричневой юбке-карандаше. Волосы она не укладывала лаком или сахаром, как одноклассницы Павлика, да и челки у нее не было.

Борька смотрел на нее, роняя слюни, широко распахнув воловьи глаза, обрамленные густыми черными ресницами. Павлик наблюдал за Борькой и жалел его: без шансов. Елене Ивановне двадцать пять, а ему пятнадцать. Он вполне мог выиграть в номинации «Недоразумение класса» – маленький, щуплый, длинношей. Цыпленок и лебедь.

Павлик, сидящий на второй парте у двери, глянул на Леночку на первой, и сердце заколотилось. Леночка тоже не делала уродливую челку и не красилась ярко – только светлые помады, и глаза оттеняла едва-едва. Синие, как небо осенью.

Тоже без шансов. Она – совершенство, идеал девушки, и он... Что он ей скажет? У него язык отнимается, если нужно к ней обратиться, а ладони становятся мокрыми. Нет, он не посмеет... Не сегодня так точно. И не завтра.

Русые волосы Леночка забирала в хвост, ногти не красила, не носила вульгарные короткие юбки, не бранилась и не роготала, как большинство одноклассниц. Коснуться ее – осквернить святыню. Так что остается лишь любоваться ею тайно.

Скоро каникулы. Летом он обязательно похудеет, накачается, а осенью отмудохает донимающих его Писа и Агопа и, наверное, станет уверенным и сильным.

Прозвенел звонок, Елена Ивановна продиктовала домашнее задание, Павлик торопливо записал в дневник и захлопнул его. Борька поцокал языком, разглядывая на дневнике друга новую наклейку из «Терминатора», и сказал с тоской:

– Ты домой?

– Ну да.

– А я на допы по информатике, – скривился он и стал совсем жалким, сгреб книгу и тетради в дипломат, сел, подождав, пока выйдут его обидчики, коротышка Славка и верзила Дэн, и поплелся к двери. Черные брюки, жилет, рубашка с широкими рукавами, дипломат – не хватает табуретки и скрипочки. Борины родители никак не могли понять, что так уже лет сто не одеваются, и над их сыном смеются.

Борька настойчиво набивался в друзья, но Павлик стыдился его, общался лишь из жалости. Впрочем, он подозревал, что и его стыдились одноклассники, но старался об этом не думать. У настоящего мужчины должен быть один настоящий друг, и это сосед Валентин.

Павел медленно спустился по лестнице, посмотрел на круглые часы, висящие над входной дверью: было без пяти два. Через пять минут уедет двадцать шестой автобус, увезет всех, в том числе задирающих его Писа и Агопа, а через десять минут будет двадцать первый, который с гармошкой и потому всегда пустой. Может быть, удастся прокатиться на красном «мане» с низкими ступеньками, а не на дребезжащем пыльном «икарусе».

На улице припекало почти как летом, и Павлик снял ветровку, затолкал в сумку. Школьный двор был пуст. Техничка в сером фартуке скребла метлой асфальт; возле одноэтажного корпуса, где проходили уроки труда, курили старшеклассники, которые Павлика не трогали.

В боевике сказали бы – «чисто».

В начале кипарисовой аллеи болтали физичка с математичкой – отлично, при них никто не станет дорываться. Подождав, пока они пойдут дальше, Павлик поплелся следом, миновал площадку с лавочками, которую оккупировала пестрая мелкота, играющих в «резиночки» девчонок, курящих старшаков, при виде учителей спрятавших сигареты. За школьным двором

было два огороженных дома на несколько хозяев, учительницы свернули туда, наверное, к трудовичке, и Павлик остался один. Постоял подумал, не пойти ли домой пешком, и решил все-таки ехать.

До остановки оставалось метров сто, когда появился желтый «двадцать шестой», остановился, даже здесь было слышно, как он выдохнул, распахивая дверцы. Если побежать, то можно успеть на него. Добрый седой водитель-дедушка всегда подбирал голосующих детей, злой черноусый – никогда.

Павел проводил взглядом промчавшийся мимо «икарус», набитый школьниками. Теперь точно Агоп с Писом уехали, и можно выдохнуть с облегчением.

В зеленую деревянную остановку никто, кроме бабок, не заходил, все ждали автобус на бетонном пятачке возле зеленого забора, оплетенного чайной розой. Опоздавшая третьеклассница играла в «тетрис», сев прямо на портфель и опершись спиной о калитку.

Павел расслабился, и мысли потекли из недружелюбной реальности туда, где было интересно: к сюжету истории, которую он обдумывал уже третий день и даже хотел начать роман. Там будет ядерная война, похолодание и наползающие ледники. Но будет все не скоро, а лет через двести, когда научатся делать летающие машины. В космос не полетят, все будет, как здесь, богатые летают, бедные ездят. Бедных можно продать на органы и убить, они лишние, богатым можно все. Как бы их назвать?..

Из остановки прогнусили знакомым голосом:

– Вот это жо-о-о...лтая машина. Вот это Жооорик мой сосед!

Павлику захотелось под землю провалиться, он понимал, это про него, потому что он толстый. Герой, которого он придумал для романа, повернулся бы и сказал что-то дерзкое или навалил всем, Павлик же сделал вид, что высказывание к нему не относится, он надеялся, что обидчики оставят его в покое, подумают, что он не струсил, а просто не понял...

– Жиробас, – повторил Агоп еще по-детски писклявым голосом.

– Жиробус-автобус! – басом поддержал его Пис.

Пис напоминал помоечного кота, который болел в детстве да так и не выздоровел. В свои пятнадцать Пис два раза оставался на второй год, собирал окурки, нюхал клей.

– Жиробус, деньги есть? Надо на сигареты... Эй, ты оборзел? А ну повернулся, с тобой разговаривают, плесень!

Павлика бросило в жар, он на полминуты оцепенел, пытаясь найти верное решение. Продолжать делать вид, что ничего не происходит? Послать обидчиков подальше? Отец Писа – уголовник, сам Пис на учете в милиции, он может и ножом пырнуть...

– Петушара!

Под гогот приятелей Пис имитировал петушиную песню.

Кто-то толкнул в спину, Павлик по инерции отскочил на два шага и обернулся. Их было трое: заводила Пис, Агоп и пухлый Остап, которого они мучили, когда под рукой не было других жертв. Наступали они строем, с гаденькими улыбочками, в глазах светился азарт псов, загоняющих зайца. Они рассчитывали, что Павлик или отдаст деньги, или побежит, и тогда под улюлюканье они его погонят, забрасывая камнями.

Павлик не побежал. Он понимал, что если побежит сейчас, то бежать придется всю жизнь. Потому он поправил сумку, переброшенную через плечо, и уставился в упор на Писа, вложив во взгляд всю свою ненависть, чем привел обидчиков в замешательство.

Улыбочка сползла с потрескавшихся губ Писа, одутловатое лицо побелело от гнева, слезящиеся глазки распахнулись, он шагнул к Павлику, отхаркнул мокроту и плюнул на его новенькие джинсы.

Пис думал, что загоняет зайца, но ошибся. Если сравнивать Павлика с каким-то зверем, то это слоненок, который мирно пасется и никого не трогает. Все привыкли бросать в него камни, корчить ему рожи, бить его палкой, он так забавно замирает и машет ушами! Толпа

снова собралась, чтобы потешиться, мальчишка замахнулся, швырнул ком грязи, и произошло невиданное: слоненок вострубил и устремился на обидчиков, сметая все на своем пути.

Павлик не понял, что с ним случилось – нахлынула ярость, мир сделался алым, небо почернело и опустилось. Наверное, он кричал. Наверное, Пис давал сдачи. Наверное, ему помогали приятели, Павлик этого не видел, им овладело бешеное желание прекратить, растоптать, уничтожить, стереть в порошок.

Он пришел в себя, осмотрел поле боя и ужаснулся. Неподвижный Пис валялся лицом в асфальт, Агоп корчился в стороне, закрывая разбитое лицо, спугнутая третьеклассница отбежала в сторону и вытянула шею, как цыпленок в опасности. Остап куда-то делся.

Вокруг валялись книги, смятые тетради, карандаши и ручки... Выпавшие из разрезанной сумки. Недалеко от Писа лежал перочинный нож. С порезанного предплечья капала кровь, но боли Павел не чувствовал. Рана была неглубокой, можно считать ее царапиной.

«Главное, чтоб дома не заметили. Надо проскользнуть мимо бабушки в ванную, помыть руку и заклеить, – думал он, собирая книги и тетради. – Сумку зашить самому».

Рассказывать родителям, а тем более младшей сестре о травле в школе было особенно стыдно, они-то его плесенью не считают, даже гордятся им иногда.

Подъехал автобус, распахнул дверцы, впуская двух старушек с авоськами. Павлик, зажимая руку, взобрался по ступенькам. Он вышел на своей остановке. Его колотило будто в лихорадке, зубы отбивали дробь, потому он решил успокоиться прежде, чем идти домой. Спустился по насыпи под одинокий орешник, что возле колхозного поля, сел, опершись о ствол, закрыл глаза.

А что если Пис мертв или покалечен? Что если у Агопа сломана шея?

Воображение рисовало картины одну ужаснее другой, кружилась голова, тошнило, трясло так, что стучали зубы. Теперь точно хана, Пис и его банда прохода не дадут.

Дома, к счастью, никого не было, Павлик зализал раны, заштопал сумку, разогрел себе приготовленный бабушкой борщ, придвинул тарелку с гренками, съел одну, потом вторую... Подумал, что от них толстеют. Напомнил себе, что качаться и худеть собрался летом, а сейчас апрель, значит, пока можно есть. И слопал все, заедая бессилие и отвращение к себе.

Бежево-серая туша школы громоздилось, довлела, надвигалась на Павлика айсбергом на «Титаник». Каждый день он открывал деревянную дверь и попадал в киллхаус, бежал по заминированному полю, плыл по реке, кишасей крокодилами. Его нанизывало на шипы, резало осколками, съедали крокодилы, но к вечеру он воскресал, чтобы завтра снова открыть дверь и умереть.

Он тысячи раз задавался вопросом, почему это происходит именно с ним? И отвечал, что он не такой. Он плох, смешон и ничтожен в глазах ровесников. И осознание заставляло окукливаться, отгораживаться от действительности в придуманных мирах.

Павлик семенил к школе, как загипнотизированный кролик – в пасть удава.

Сегодня особенно тошно, потому что Пис ему точно не простит унижение, и если раньше все ограничивалось плевками и подшучиванием, то теперь начнется настоящая травля.

Задремезжал звонок на урок, утонул в визге мелкоты, ринувшейся в школу. Павлик специально опаздывал, чтобы не встретиться с обидчиками в школьном дворе. Первый урок – алгебра, сегодня контрольная. Может, лучше вообще не идти? Сказать, что на автобус опоздал? Нет, математичка маме нажалуется, дома насмерть запилят.

Павлик потанцевал на тряпке у входа, вытирая ноги, наконец переступил порог, потоптался возле расписания. Прошло минут пять урока, можно идти. Математичка посмотрит волком, может, отчитает, но пустит в класс.

Воровато оглядевшись, Павлик рванул на второй этаж. Кабинет математики находился в середине коридора, прямо возле лестницы. Павлик сперва влетел в кабинет и только потом постучал.

– Извините, можно? – стараясь справиться с дыханием, проговорил он, замирая под взглядами одноклассников, прижал к бедру зашитую сумку.

Если смотреть на математичку сзади, она как толстая бабка: задница на два стула, руки-колбасы, ноги-колонны, серые волосы собраны в гульку. Поворачивается – а на лицо как старшеклассница. Павлик думал, что она начнет отчитывать, но нет, вроде даже как обрадовалась:

– Проходи, Горский! Но чтоб в последний раз!

Борька подумал, что Павлика не будет, и пересел со второй парты на третью первого ряда, к Димке-молчуну, чтоб удобнее было списывать у Ань-Тань, сидящих позади. Ань-Тань Борьку жалели и даже давали списывать, хотя чаще он сам справлялся. Если сесть перед ним, будет один вариант, и трояк обеспечен, на большее Павлик не рассчитывал, потому что после драки его трясло весь вечер, и он не подготовился к контрольной, а тема была сложная – арифметическая прогрессия.

Борька подождал, пока математичка отвернется, и бросил на парту смятую бумажку. Павлик развернул ее и улыбнулся: «Договорился скатать. Поделюсь».

Как это ни странно, на контрольной помощь Борьки не понадобилась – Павлик справился с заданием сам, а задачи посложнее оказались не по зубам даже отличницам Ань-Тань. Возле них и вокруг Леночкиной парты столпились троечники, надеясь на подачку.

Ань истерила, что она ничего не успевает, и отгоняла охочих списать, Тань грустно глядела в тетрадь, наматывая на палец длинный черный локон. Леночка же никого не прогоняла, сосредоточенно писала.

Математичка дала классу пару минут и принялась разгонять столпотворения.

Боря, отчаянно грызущий ручку, хлопнул тетрадь и поплелся ее сдавать, выглянул в окно и как заголосит:

– Народ! Там нашего Карася лупят!

Битие Карася было любимой забавой всех от мала до велика, Павлик перекинул сумку через плечо и ломанулся к двери. Он не видел, что за ним бежал жадный до зрелищ Баскаков по прозвищу Баскез анкл Бэнс, и не успел отпрянуть от распахнувшейся двери. Баскез налетел на него, толкнул, и лоб Павлика встретился с дверным косяком.

В глазах потемнело, Павлик упал без чувств. На его лбу пухла, наливалась синевой огромная шишка. Математичка бегала вокруг него, охая и причитая, напустилась на Баскакова, тот рванул за медсестрой.

Глава 3. Преобразование

Сперва я услышал детский смех и глухие удары, словно кто-то бьет мячом о стену или выбивает ковры старым советским способом, чуть позже добавилось чириканье воробьев, будто бы по мановению волшебной палочки лед отступил и началась весна...

Или я попал в рай? В аду вряд ли смеются дети. Я точно умер, в меня попали из гранатомета. Или не в меня, взрыв был рядом, потому я выжил.

Я осторожно открыл глаз и от яркого света чуть не ослеп.

– Очнулся! – пропищали женским голосом.

– Я же сказала, не надо скорую, – хрипнула в ответ другая женщина, воображение нарисовало губастую брюнетку с обветренными губами и сигаретой в руке.

– Ты как? – спросила у меня писклявая.

Я ответил нецензурно и многоэтажно, хотел вложить в ответ свое негодование, но... пропищал, как девчонка.

– Господи, что за сюр происходит? – продолжил бляеть я.

Где я? Точно в больнице. Все еще не открывая глаз, я сел и тут же лег, потому что адски закружилась голова, и меня чуть не вывернуло. Когда отпустило, то я кожей ощутил недоумение медиков. Я сжал и разжал кулаки, провел ими по лицу и ощутил странное: кожа у меня нежная, как у ребенка, нет и следа щетины. Теперь понятно, что случилось: я обгорел, но меня каким-то образом спасли, и вот я вышел из комы...

Глаза!

Веки оказались на месте, даже ресницы успели вырасти, но выдохнуть рано, надо проверить, не ослеп ли я. Упершись лбом то ли в пол, то ли в стол, чтоб спрятаться от света, я открыл глаза и увидел, что уткнулся в синюю клеенку, какой раньше застилали кушетки в процедурных кабинетах.

– Где я нахожусь? Где Оля?

Не дождавшись ответа, я перевернулся и обнаружил склонившихся надо мной смутно знакомых женщин: медсестра неопределенного возраста, узкоглазая, веснушчатая, с большим безгубым ртом, и длинная смуглая брюнетка с лакированной челкой, похожей на детскую горку, в ворсистом фиолетовом свитере, формой напоминающем чабанью бурку. Женщины посмотрели на меня, потом – друг на друга, и брови их поползли на лоб.

Происходящее напоминало горячечный сон, я по-прежнему думал, что мой мозг, умирая, выдал несколько реалистичных сцен. На самом деле прошла доля секунды, а мне кажется – гораздо дольше.

– Похоже, без «скорой» не обойтись, – резюмировала медсестра, брюнетка кивнула.

Только сейчас я осмотрелся и окончательно удостоверился, что брежу: я лежал на кушетке, застеленной клеенкой, в медицинском кабинете с крашеными стенами, в углу стоял стеклянный шкаф с лотками, шпателями, боксами из нержавеющей стали. Я даже не в реанимации, а в медблоке из семидесятых, где работают женщины из девяностых – ни в какое другое время люди не одевались так нелепо.

– Павлик, голова болит? Что ты последнее помнишь? – спросила медсестра, заглянула в глаза.

Про прикончивший меня взрыв я рассказывать не стал, осторожно сел, свесил ноги и в стекле шкафа увидел отражение растрепанного толстого подростка, который копировал мои движения. Не стерпев, показал ему фак, он отзеркалил. Я шлепнул себя по щеке, он сделал так же...

Черт! Тысяча чертей!

Медленно-медленно я посмотрел на свои пухлые руки с розовыми пальцами-сардельками, перевернул их ладонями вверх. Это я, черт побери! Тот «я», что существовал тридцать лет назад, которого нынешний «я» предпочитает не вспоминать, – жалкое забитое существо, пугающееся собственной тени.

Покачиваясь, я подошел к шкафу, откуда на меня смотрел он-я. Сколько мне лет? На вид тринадцать-четырнадцать. Какой сейчас год? Время года...

Над столом медсестры висел календарь с изображением орущего петуха: 1993!

Господи, что за сюр? Что за бред? Почему я здесь?

Тетки наблюдали за мной не шевелясь – я следил за их отражениями. Брюнетка – завуч Роза Джураевна, медсестра... Не помню, как ее звали, но это именно она – наша школьная медсестра. Я прикоснулся к огромной шишке на лбу и все понял. Не все, а кое-что. Павлик ударился головой и стал Павлом.

Ноги подкосились, я уперся в стену и расхохотался до спазмов, каждое сокращение мышц отдавало болью в голове. Примерный мальчик Павлик Горский материл взрослых и выражался непонятными словами, надо срочно вызывать психбольницу, он повредился умом.

Отсмеявшись, я вернулся на кушетку. Почему я именно здесь? Может быть, не было никакого Павла, его придумал Павлик для своего романа? Моя личность – не результат многолетней работы над собой, а то, каким мальчик хотел себя видеть? Я исчезну, когда его мозг восстановится.

– Тебе плохо? – заволновалась медсестра.

– Спасибо за заботу, все хорошо, – я потрогал шишку на лбу.

Или все-таки моя личность реальна, просто меня зачем-то переместили в себя маленького. Но как это возможно? Не удержавшись, я сжал виски. Казалось, голова вот-вот взорвется и разбрызгает содержимое. Я отказываюсь играть по этим правилам, слышите? От-ка-зы-ва-юсь! Верните мне мою жизнь...

Нет, не верните. Не хочу умирать.

Медсестра села передо мной на корточки, оттянула веко.

– Тебе нужно в больницу, у тебя сотрясение мозга.

– Не пойду, моя бабушка – медсестра. Лучше поеду домой.

– Ты из Штурмового? Как ты поедешь? А если упадешь по дороге?

– Вы правы, если у меня внутричерепная гематома, она может проявиться и через десять часов, и прямо сейчас. Вам незачем брать на себя ответственность, мне – ехать в больницу. Позвоните, пожалуйста, соседям, они позовут бабушку, которая меня заберет.

– Это выход, – кивнула завуч, почесала бровь, посмотрела на меня с удивлением.

Если уж я принял их правила, нужно говорить и вести себя соответственно возрасту. Угораздило же! Совершенно не помню эту свою жизнь, только цветные урывки. Странное время, когда у продвинутых пользователей появились компьютеры, а у большинства людей даже не было домашнего телефона; чтобы позвонить, приходилось бегать на почту или к соседям. Ларьки были завалены «сникерсами», но мало у кого водились деньги, хотя они лежали под ногами. Пора, когда рынок, он же «туча», «толкучка» и «толчок», был сердцем города, где «варенки» уступали место пока еще корявенькой джинсе.

Мозг, как обычно в стрессовых ситуациях, растекся мыслью по дереву, и я только с третьего раза услышал, что медсестра просит у меня телефонный номер. Когда-то я наизусть знал два номера: соседа Вальки и бабушки по отцу. Вспомню ли?

Номер друга Валентина так впечатался в память, что я произнес его без запинки, завуч отправилась звонить, медсестра осталась со мной. Действие оттеснило страх, что меня скоро не станет, и я ввязался в игру, понемногу начиная воспринимать ее как реальность. Пока моя реальность ограничивалась кабинетом медсестры, за которым раскинулся забытый, но неизведанный мир, где можно позвонить бабушкам, и они ответят. Где отец жив, и ему меньше, чем

было мне в момент катастрофы. Где моя сестра пока еще примерная восьмиклассница, а не конченная наркоманка. Оля... Оля только научилась уверенно стоять на ногах, ей меньше, чем нашему сыну. Деда... Оба моих деда тоже живы.

Реальность, где я никогда не женюсь на однокласснице Леночке и, возможно, от Оли не родится Лев, будут другие дети...

Стоп! Я уже начинаю жить и перестраивать свою жизнь, хотя гораздо важнее ухватиться за что-то настоящее, чтобы не сойти с ума. Осталось найти это настоящее в мире, где у меня нет опор и поддержки... Или есть? Или я так думал тогда, потому что был подростком?

Бабушка сделала невозможное и прилетела через десять минут. Невозможное – нашла машину, потому что пострадавшего с сотрясением нельзя везти на автобусе. Дверь распахнулась, ударившись о стену, она ворвалась в кабинет и устремилась ко мне, сметая медсестру.

Я оторопел. Ощущение было, словно мне явился оживший мертвец, который настроен мстить за то, что я не приехал из Канады на похороны. Сейчас ей шестьдесят один, она еще не хромотает и даже бегает. В детстве я понятия не имел, что есть объяснение ее гиперопеке, желанию все держать под контролем, просто-напросто она – еврейская бабушка.

Бабушка Валя села на кушетку, поочередно оттянула мне веки, заглянула в глаза, шершавыми пальцами ощупала шишку на моем лбу, пошевелила смоляными бровями. Волосы у нее поседели полностью, а брови остались, как у молодой, черными, мои брови тоже не признавали возраст, это передалось от нее. От бабушки пахло жареными оладьями... Хотя нет, оладьи жарила Оля, бабушке нужно было «кормить трех мужиков», и она обходилась гренками из хлеба, обваленного в яйце.

Когда оцепенение прошло, я встал и обнял ее – не стал сдерживать порыв. Ком в горле мешал дышать. Я похоронил ее и оплакал, она ушла, не простив меня, и вот она живая, теплая, я могу все исправить.

Теперь оцепенела она, потому что я-Павлик не был склонен к телячьим нежностям.

– Не беспокойся, – утешил я. – Все образуется, ты же знаешь, что лобная кость очень прочная, я ж не виском ударился, может, нет никакого сотрясения.

Она будто бы меня не слышала, суетилась, квохтала надо мной. Заставила медсестру «чем-нибудь помазать гематому», и мой лоб вокруг шишки украсила йодная сетка.

– Что ж ты такой неуклюжий у нас? Шагу ступить не можешь, чтобы не убиться, – приговаривала она. – Голова как, болит?

– Немного кружится.

– Это нехорошо. Не тошнит?

– Есть немного.

– Идти сможешь? – она принялась расхаживать по кабинету, игнорируя медсестру. – Где ж ты так убился-то?

– Смогу. Идти – смогу. Пошли.

– Лучше держись за меня.

Я обнял ее за широкую талию и побрел следом, поблагодарил медсестру и задумался над тем, как себя вести, чтоб родители не обнаружили подмену. У меня поставленная речь состоявшегося мужчины, колоссальный словарный запас и жизненный опыт больший, чем у родителей вместе взятых...

Вернулись мысли, что этого не может быть и сон вместе со мной скоро закончится. Если я продолжаю существовать так долго, то... что? Есть загробный мир? Или я попал в сансару, в век сурка, где ничего нельзя исправить, и после смерти каждый раз буду возвращаться в девяностые? Или наоборот, меня вернули, чтобы я что-то важное сделал по-другому.

Но почему меня? Почему сюда? В рабочий поселок, в бедную семью? Разве не было бы больше пользы, если бы мое сознание переселили в, например, Горбачева? Или в Ельцина?

«Семерку» Васьки-соседа, Валькиного отца, я узнал. А еще узнал своего давнего обидчика Писа, который сидел на корточках в двадцати метрах от машины. При бабушке он не стал на меня нападать, просто поднялся, чтобы я его точно заметил, и чиркнул по горлу.

Я демонстративно плюнул под ноги и изобразил, будто расстреливаю его из невидимого автомата. Во мне проснулась детская обида на этого отморозка, хотелось крикнуть: «Выкуси, отсос!» – но я пожалел бабушкины уши.

Глава 4. 300 минут

Теперь более-менее понятно. Сейчас апрель, когда я отмудохал Писа. В той реальности до самых каникул мне приходилось прятаться и отбиваться, а осенью он ушел из восьмого класса в ПТУ, где через два года благополучно сторчался.

В этот раз все будет иначе. Я отомщу за тебя, малой. Ну, за себя то есть.

Я уселся на заднее сиденье зеленого соседского жигулька и закрыл глаза, чтобы уменьшить поток информации. Хотелось выпить бутылку коньяка и забыться. Проснуться и опять забыться, но боюсь, что коньяк убьет это тело.

Немного успокоившись, я повернул голову, и сердце защемило. Я не был на родине больше двадцати лет, я ненавидел это место, вспоминал как страшный сон, а сейчас горло сжимает странное чувство, которому тесно внутри, и оно рвется наружу.

Все тот же крутой поворот дороги. Два ряда абрикосовых деревьев с морщинистой корой и натруженными ветвями, дальше поле с капустой, перечеркнутое серебристо-зеленой полосой тополей, растущих вдоль реки.

Слева – обшарпанные склады умирающего совхоза.

За следующим поворотом – небольшое озеро.

Мостик через реку и – поля, разделенные свечками тополей. Зеленые волны пшеницы катятся по просторам, исчезают вдалеке, у подножия сизых гор. Алые вкрапления маков, как заплатки на бархатистой ткани.

Господи, до чего же красиво! Как же мне не хватало простора в лесах Канады! Горных хребтов, тополей, маков... И моря. Озера – не замена морю.

А вот и мой поселок – Штурмовое. Я отрекся от этого места, а место меня запомнило и... вернуло? Я ущипнул себя за руку.

Сон все не заканчивался, удивлял деталями и логикой. Мы проехали холм и скатились к одноподъездным двухэтажным домам на восемь хозяев: четыре квартиры на первом этаже, четыре на втором. Я жил в первом доме на первом этаже, мой друг Валька – на втором соседнего дома, над нами обитала его бабушка.

– Спасибо, Василий, – кивнула бабушка Валькиному отцу, тот хитровато прищурился и укатил в гараж сразу за их домом.

«Ул. Маковая, д. №1» – гласила надпись на самодельной вывеске. На моей улице четыре дома квартирных и шесть примыкающих частных. Еще десять лет назад название казалось красивым, сейчас же... то есть в девяностых, между собой ее стали называть Малой Наркоманской.

В подъезде пахнет выпечкой и борщом, как в детстве... Которое вот оно. Старая дверь, обшитая коричневым дерматином. Наклейки с динозаврами и Терминатором кричали с черной заплатки: «Здесь очень крутая современная квартира!»

Кто-то приклеил голую тетку, за что я получил выволочку от бабушки... Не помню, в каком это году. Может, все впереди.

Пока бабушка боролась с раздолбанной замочной скважиной, я погладил стену – вот отходит синяя краска, вот Санек сверху нарисовал половой орган, замаскированный под самолет.

Щелк!

– Павлик, заходи.

Календарь, исписанный бабушкиными метками, висел справа от зеркала в прихожей. Черный петух. 1993 год. Двадцать шестого июня мне исполнится пятнадцать.

Новая реальность глянула из старого зеркала, и я приложил руки к пухлым розовым щекам, таким огромным, что глаза заплыли и казались косыми, даже рот перекосило на правую

сторону, словно у меня воспаление лицевого нерва. На мне белая в зеленую клетку дедова рубашка поверх крутых спортивных штанов «Каппа спорт», которые брат отца отец привез из Москвы.

Бабушка по-своему трактовала мое зависание перед зеркалом. Остановилась на миг, глянула на мое отражение:

– Припухлость завтра сойдет, а синяк – ничего страшного. Шрамы украшают мужчину.

Хотелось съязвить, что такого ничем не украсишь, но я промолчал. Уже из кухни бабушка проговорила:

– Иди, приляг, а я греночек нажарю. Или лучше хрустиков?

Я-Павел с удовольствием вкусил бы пищу девяностых, сто лет не пробовал хрустящих предков пахлавой медовой, посыпанных пудрой, но этому телу нужно было срочно сбрасывать вес, ему противопоказано сладкое.

– Спасибо, что-то не хочется.

Мимо кухни я проскользнул в зал и чуть не взвыл. Сон так хорошо начинался! Я привык к кабинету, гостиной, детской и спальне. Да, они были в деревянном срубе практически в лесу, где ж еще жить леснику? Но даже у сына было личное пространство, потому что я с детства помню, как это важно.

Посреди комнаты, которая почему-то называлась залом, царил телевизор на тумбе. Справа был советский письменный стол, который я помню до сих пор. На столе святая святых – мой магнитофон «Сапуо» и самодельные кассеты стопочкой, почти все обложки нарисованы мной от руки. Под стеклом – рисунки рок-групп и фантазии на вольную тему.

Слева – другой такой же стол, где готовилась к урокам сестра Катька. Напротив телевизора – кровать мамы и отца. Проход в спальню отделялся от зала занавеской, в маленькой комнате три кровати: моя, Катьки и бабушкина. Дед в теплое время года жил на даче в каморке, зимовал на койке в кухне, благо что она довольно большая.

Мама, роди меня обратно. Вэлком ту зэ хелл. Хочу назад, к леднику!

Я опустил на мамину кровать, где собиралась вся семья, когда по телеку шло что-то интересное, и попытался разложить по полочкам мысли.

Что мы имеем?

Из минусов: не понимаю, что происходит и как долго продлится сон.

Плюсы. Я жив, молод и у меня впереди тридцать лет жизни, я могу не наделать ошибок, распределить ресурс правильно, я знаю наперед знаковые события, например, скачки доллара, цены на рынке недвижимости, взлет биткойна, а так же дату своей смерти. Смогу ли я предотвратить глобальную катастрофу? Вряд ли. Но локальные катастрофы внутри семьи – вполне.

Минусы. Я живу в аду, где сутками напролет орет телевизор, переодеваться придется при бабушке и сестре, потому что даже туалета и ванной нет, все это в отдельно стоящих сараях на улице. Я подросток, соответственно, недееспособное бесправное существо, мне еще не выдали паспорт, потому повлиять на ситуацию будет сложно.

Как ни крути, плюсов больше. Я потер ноющую шишку, словно нажал кнопку, останавливающую поток мыслей. Надо попытаться успокоиться... А мысли все бежали и бежали. Табун «зачем я здесь» был растоптан мыслями о том, что случилось с Олей...

Оля только научилась ходить, она жива. В этой реальности еще ничего не случилось, мир цветет, благоухает и не догадывается, что умрет через тридцать лет, того моего мира еще не существует, но те, кого люблю, живут в моей памяти.

В кухне заскворчала сковородка, потянуло жареным, и толстый живот заскулил голодным щенком. Сейчас я способен сожрать больше, чем Павел взрослый. У меня булимия, мизантропия и вагон комплексов.

Господи, где тут у них коньяк? Нет у них коньяка, прячут от отца и деда. Ни тот, ни другой не курят, как же бедному мне снять стресс? Ну не объедаться же!

– Павлик, иди кушать, – позвала из кухни бабушка.

– Спасибо, ба, что-то не хочется.

Она высунула голову из кухни:

– Почему? Тошнит?

– Я просто не хочу.

– Если тошнит, надо ехать в больницу.

– Да нет же. Пора сгонять лишний вес. Суп съем, жареное – нет. Кстати, нет ли случайно квашеной капусты?

Бабушка проигнорировала мои пожелания и вынесла поднос с пирожками – пышными, с коричневой блестящей корочкой, поставила на мой стол. Они пахли так, что желудок взвыл и, как пишут в графоманских книжках, внутри у меня что-то сжалось.

– У тебя просто широкая кость, – ласково успокоила она.

Студентам – булочки, каждой бабушке – по прожорливому внуку.

– Убери, пожалуйста, – попросил я и соврал: – От запаха еды мне плохо.

Вроде поверила, забрала поднос, принесла тарелку супа, поставила, положила ложку и два огромных куска хлеба. Сейчас я понимал, что бабушка больше всего на свете хочет быть нужной, полезной и всячески нам угождает, порой перегибая палку, в детстве же ее опека казалась невыносимой.

Павлику-мне всегда хотелось есть. Я уселся, подвинул тарелку к себе... Нет, это не суп, это каша из макарон с кусочками моркови и волоконцами курятины. Выпив бульон, выловив морковь и курятину, я отнес тарелку в кухню, где бабушка забрала ее, разочарованно уставилась на макароны и с нажимом спросила:

– Не вкусно?

Хотелось закрыть рукой лицо. Ну сюр же! Напиши такое в книжке, все завопят «не верим». Нет! Это есть невозможно, и даже девяностые и дефицит продуктов – не оправдание. Тем более что моя семья ни в чем не нуждается, просто бабушка на всем экономит и огромную кастрюлю супа варит из одной куриной ноги.

– Вкусно. Просто не хочу.

Она высыпала макароны в собачью миску и, надувшись, отправилась в зал к телевизору.

Я окинул взором длинную кухню-столовую с дедовой кроватью под окном напротив входа. Здесь все комнаты замыкаются в круг. За шторкой возле кровати – тоже дверь, заставленная шкафом со стороны спальни.

В холодильнике была колбаса салями цвета вырви глаз, которую мы тоненькими колечками клали на бутерброд по утрам, плавленый сыр, наполовину пустая банка варенья (наверное, я-Павлик в один присест сожрал), копченый колбасный сыр – тоже деликатес не для всех, пельмени для отца.

Выбор я остановил на яйцах, пару штук бросил в котелок и включил газовую плиту.

Только я принялся их есть, размышляя над тем, что без наушников тут не выжить, как хлопнула дверь и, напевая под нос, в прихожую вошла сестра Катька, юркнула в спальню переодеваться.

Еще один оживший мертвец.

Катьку я никогда не любил, и меня не беспокоило, где она, с кем, жива ли. Мы с мамой склонялись к тому, что давно мертва, ведь наркоманы долго не живут. И вот напротив – сестра, живая, я могу ее остановить, направить.

Кусок встал поперек горла, я глотнул чай и повернулся к дверному проему, но увидел не Катькин силуэт, в кухню ворвалась бабушка и, демонстративно меня не замечая, принялась разогревать обед.

– Катя, супчик будешь? – прокричала она. – Приходи кушать, он уже готов.

Напротив меня образовалась тарелка с супом-киселем для Кати.

А вот и сестра. Я смотрел на нее, разинув рот. Высокая, худенькая, темные волосы волной, залакированная стоячая челка, быстрые внимательные глаза. Глаза она взяла от отца, они у нее огромные зеленые, с черными загнутыми ресницами.

– Чего пялишься? – бросила она и уселась за стол, глянула в тарелку, поковыряла суп и скривилась, подвинула тарелку ко мне:

– Хочешь?

Павлик всегда был голоден и частенько выручал ее, чтоб бабушка не пилила. До чего же неприятным подростком я был.

– Спасибо, я пас.

– Чего? – округлила глаза она.

– Завязал я. Бросил жрать.

– О, молодец.

Живи, Катя! Влюбляйся, роди детей. Я сделаю все для этого. Мой дед не умрет от инсульта под забором. Сестра не станет наркоманкой. Мама не разведется с отцом, пытаюсь уйти к любовнику. Отца не убьют в пьяной драке. Если уж меня на самом деле вернули в прошлое, попытаюсь его изменить хотя бы локально. Тридцать счастливых лет, подаренных близким, – это немало.

Мы с сестрой глядели друг на друга, как два кота, в любой момент готовые выпустить когти. Она так точно.

– Интересно посмотреть на тебя худого, так что ты это поскорее.

– Поверь, получится далеко не урод. Двух месяцев мне, думаю, хватит. А тут есть что-то типа бокса?..

Стоп! Кажется, я начал болтать лишнее, ведь Павлик знает то же, что и она, про бокс в том числе.

– Каратэ ж. В клубе в Денисовке спортзале вечером. И качалка в подвале в шестом доме.

Придется потрошить копилку, благо Павлик запасливый. Родители скажут: «Денег нет», хотя на самом деле они есть, но не на всякую глупость типа его книжек и кассет. Вот на кастрюлю Zepher – есть, на курсы экстрасенсов – есть, на то, чтоб набить полуфабрикатами тележку в модном недавно открывшемся супермаркете, где пельмени стоят, как крыло самолета – тоже есть. Кстати, это непорядок, надо сделать так, чтобы были и на нормальные вещи. Отец работает агрономом в совхозе и ничего не получает, зато может достать овощи-фрукты, брат его – проводником на московском поезде. Люди состояние делали, возя овощи и фрукты в столицу, нужно будет провести с ним беседу.

Учить уроки я уселся в кухне, чтоб телек не мешал. По алгебре не задали ничего – только контрольная была, по геометрии – вписанные и описанные окружности, площади круга и его частей. Не знаю, как так, но в детстве я был тупым и ленивым. Домашку по точным наукам списывал у Борьки. Если и садился делать уроки, открывал алгебру, переписывал условия задач, а когда начинал решать и не получалось, не трудился разобраться. Все эти формулы казались мне невероятно сложными.

– Только змеи сбрасывают кожи, чтоб душа старела и росла, мы, увы, со змеями не схожи, мы меняем души, не тела, – пробормотал я, переписал условие задачи в тетрадь, прочел предыдущие темы, выписал формулы отдельно и пощелкал задачи, как семечки, удивляясь самому себе.

На геометрию ушло полчаса, на физику – час, зачитался, тема интересная: протонно-нейтронная модель ядра. Почему в детстве, когда знания даются бесплатно, мы не видим, насколько это интересно, и все делаем из-под палки?

Есть хотелось не по-человечески, приходилось пить чай. С момента, как Павел занял место Павлика, прошло четыре с половиной часа.

В начале шестого пришла грустная мама, выгрузила содержимое сумки в холодильник, задала дежурный вопрос, как у меня дела в школе, и получила развернутый ответ от бабушки, что я чуть не убился, заработал сотрясение мозга и, гад неблагодарный, отказываюсь лежать и всячески пытаюсь ее обидеть.

Совсем молоденькая мама, почти как девочка, на румянном лице – ни морщинки, русые волосы завиты по моде восьмидесятых, губы подведены бежевым. Сколько ей сейчас? Раз мне четырнадцать, ей тридцать четыре, как моей Оле в той реальности.

Пряча красные глаза, мама задумчиво ощупала шишку на моем лбу, повела плечом:

– Ты уверена, что сотрясение есть?

– Есть, конечно, его тошнило! – отозвалась бабушка и ушла к телевизору.

– Может, в больницу?

Ни сочувствия, ни волнения в мамином голосе я не заметил, собственные проблемы волновали ее гораздо больше. В это время у них начался разлад с отцом, мама завела любовника на работе, я его видел, высокий мужик с черными усами, как у Сталина. Еще месяц-два, и бабушка выгонит отца из дома, мама с любовником все равно расстанется, потому что он женат, а отец запьет по-черному, и его убьют.

Квартира превратилась в балаган: бабушка пыталась уложить меня в кровать и накормить пирожками, после отказа разобиделась смертельно.

Мама полежала немного и выразила желание «пособирать жука» на даче. Катька ретировалась в нашу комнату, я последовал за ней. Из зала, где переодевалась мама, донеслась песня Тани Булановой: «Не плачь. Есе одна осталась ночь у нас с тобой».

Катя рухнула на кровать, одну ногу вытянула, вторую свесила до пола, раскрыла журнал *Burda Moden*, и ее колкий взгляд стал бархатным, губы тронула улыбка.

Над ее кроватью висел постер с Мадонной в рваных джинсовых шортах, с прической, как у Мерлин Монро, над моим – красный ковер с чукотским узором. Помнится, я ненавидел ковер и пытался его изжить, но над бабушкиной кроватью ковер уже был, этот вешать некуда, а под ноги класть такое добро жалко. В знак протеста поверх ковра я прицепил нарисованный байк, гитару и плакат «Металлики», вероломно выданный из библиотечного журнала "Ровесник".

Комната напоминала вагончик. С одного конца моя кровать, с другого – Катина, между ними – бабушкина. Возле двери – огромный желтый шкаф на коричневых ножках, который помнил царя, а если не царя, так точно – немцев. Каткина дверца чистая, моя – в очень крутых наклейках. Кого тут только нет! Ниндзя черепашки, динозавры, Мортал комбат, носатый черт, не помню, как его звали.

Я улегся на кровать, открыл литературу и сообразил, что на завтра нам задали Чехова, а я плохо помню «Вишневый сад», надо бы освежить его в памяти, встал за ноутбуком... И чертыхнулся. Здесь ни о каком Интернете не слышали! Только библиотека! Только бумажные книги!

Зато «Ионыча» помню прекрасно, недавно перечитывал. О нем и расскажу.

Перед глазами потемнело, выплыл текст:

300 отведенных минут истекло!

«Проклятье! Так мало?!» – все, что я успел подумать.

Глава 5. Точка бифуркации

Павлик два раза моргнул, осмысливая произошедшее. Будь он не таким мечтательным подростком, решил бы, что сходит с ума. Но он жил фантастикой, космосом и волшебными мирами, потому принял факт, что на триста минут стал собой взрослым.

Сильным, смелым, умным – таким, каким он всегда мечтал быть. Мало того, Павлик частично помнил биографию себя-взрослого: поступил в военную академию, женился на Леночке! Но она то ли ему изменила, то ли... Нет информации. Потом развелся, жил в Канаде, умел драться и водил машину. И все.

– Эй, ты чего слюни пустил до пола? – воскликнула Катька, и Павлик понял, что тупо тарашится перед собой, ему хочется есть, он боится идти в школу, потому что там Пис. Мало того, будучи взрослым, он задира врага!

Теперь точно конец. Павлик отложил дневник, забыл о желании прочесть Чехова – летом читал, и ладно, и, будто загипнотизированный, направился в кухню, где схватил пирожок и съел, затем – второй, третий...

Вспомнил, что начал худеть, перенес похудение на июнь, потянулся за четвертым пирожком, и его за этим занятием застала бабушка.

– Ну вот, и стоило мне нервы трепать? Теперь вижу – на поправку идешь.

Павлик отлично помнил мысли себя-взрослого, что это все неправильно, нужен свой угол, бабушка тоже неправа, отец не козел, наоборот, он просто слишком мягкий и не умеет зарабатывать деньги.

Отец, вторая бабушка, два деда и, возможно, Катя – все они умрут за десять лет. А через тридцать лет наступит конец света, оттуда он-взрослый и пришел.

Что ему теперь делать? От бессилия хотелось лечь на кровать и окуклиться. А еще лучше – умереть. Павлик мысленно воззвал к взрослому, но он не пришел с ответом и вряд ли придет.

Павлик посмотрел на пирожок, на бабушку, и ему стало безумно стыдно перед собой-взрослым. Он ведь может таким стать, если немножко поработает! Это ведь был – он! Пирожок вернулся в тарелку, Павлик развернулся и проговорил зло:

– Это очень трудно. Все. Надоело таким быть!

В коридоре он столкнулся с подвыпившим отцом, которого собирался спасти еще час назад. С человеком, которого Павлик презирал за бесхребетность. И впервые не знал, как с ним себя вести.

Проснувшись, Павлик ждал, что вернется взрослый и всем навалит, но он не пришел. С каждой минутой вчерашний день все больше напоминал сон, осталось лишь немного воспоминаний взрослого Павла.

Расстроенный Павлик вздыхал по упущенным возможностям, вспоминая фильм «Назад, в будущее» и газету с результатами матчей. Ничего подобного в памяти не сохранилось, взрослый Павел не сообразил, что можно так себе помочь!

Злой на себя и на него, Павлик даже забыл, что ему надо бояться Писа. Вспомнил о нем на остановке, увидев Агопа с фингалом и синим опухшим носом. На миг оторопел, рассчитывая, что парень набросится на него, но он благоразумно сделал вид, что не замечает Павлика. Подошел сосед Валька, он учился в параллельном классе с Катькой, прищурился и заговорил, захлебываясь чувствами:

– Я слышал, ты Писа и Агопа отлупил? Ну красавец! А вчера не вышел, потому что получил сотрясение. Это они тебя?

– Нет, я об дверь.

– Поехали в воскресенье в город, в видеопрокат? Хочу фильм взять, «Парк юрского периода», там про динозавров. Очень крутой.

Павлику ничего не хотелось, он увидел автобус, где наверняка едет Пис, и почему-то согласился.

Писа в автобусе не оказалось. Зато память Павла подсказала, что через двадцать лет детей будет возить школьный автобус, как в американском фильме, а еще каждый взрослый при желании сможет купить себе машину. Бандитов перестреляют полицейские, а работа ночной бабочки снова станет постыдной. Как и раньше, будут цениться знания: агрономы, инженеры перестанут стыдиться своих специальностей и начнут нормально зарабатывать.

Сейчас во все это верилось с трудом.

У школы толпились разбившиеся по группам ученики – наслаждались апрельским теплом. Пахло цветущими вишнями и сигаретами. По аллеям к школе тянулись дети, среди которых Павлик заметил Бориса в черном пиджаке, брюках и с неизменным дипломатом, и решил подождать одноклассника.

– Я по геометрии домашку не сделал, – виновато проговорил он. – Даже отец ничего не понял.

– У меня спишешь, – сказал Павлик, гордясь собой-взрослым.

– Ты решил? Да ну! – Борис округлил глаза.

В классе выяснилось, что задачу никто не решил: Ань-Тань и Леночка уехали на олимпиаду, Ульяна Япрынцева была на соревнованиях по баскетболу, и когда математичка спросила, есть ли справившиеся, Павлик долго раздумывал, тянуть ли руку, и все-таки пересилил себя.

Вышел к доске с тетрадью и листком с формулами предыдущих уроков, принялся писать, объясняя, что откуда взялось. С каждым словом все больше крепла уверенность, что он и сам смог бы понять и решить, если бы захотел. Павлик поглядывал на слегка удивленное лицо математички, которая его не очень любила за лень и в принципе была права, и наполнялся гордостью.

– Очень хорошо, Горский, – улыбнулась она. – Если перестанешь лениться, на олимпиаду поедешь ты.

Павлик сел на место, взмокнув от волнения. Он ни разу не решал задачи у доски, это делали отличники, и сообразил, что теперь Инна Николаевна с него не слезет, постоянно будет вызывать. Значит, придется учить, решать, а не факт, что получится.

Но ведь сейчас это он все рассказал! Не поселившийся в памяти взрослый – он сам!

На пятый урок, русский, который Павлик любил, приехала Леночка с олимпиады, села рядом со своей подругой, плечистой рыжей Янкой Фоменко, поставила сумку на стол и принялась выкладывать учебник и тетради.

Павлик залюбовался. Она двигалась плавно, ее голос звучал, как серебряный колокольчик, слушать его можно было вечно! Порой ему казалось, что только любовь к ней удерживает его в мире...

И он женится на ней, когда станет ее достойным. А она ему изменит. Он будет так страдать, что укатит аж в Канаду.

Разве такое возможно? Нет, он отказывается верить. Такая девушка не может поступить подло, значит, он-взрослый сам повел себя неправильно, вынудил ее...

Перед глазами возник текст:

Внимание! Вам отведены 300 минут в сутки.

Отсчет начался.

Я вынырнул из небытия прямо в мысли Павлика о том, как прекрасна Леночка. Ага. Прекрасна настолько, что гульнула со стариком, а за меня вышла замуж уже беременной, старик-то от ребенка отказался. Если бы не ДНК-тест, я так и не узнал бы, что воспитываю чужого

ребенка. А если бы не разразившийся скандал, может, лет в семьдесят услышал бы, что меня никогда не любили.

Я так и не простил ее. И на эту девочку, еще ни в чем не виноватую, не мог смотреть без содрогания.

Так... Триста, значит, минут. Издевательство какое-то. Я на пять часов становлюсь собой, а потом уступаю тело мне-маленькому.

Почему? Зачем так?

Какой смысл возвращаться в прошлое? Может, и нет его, смысла, это просто стечение обстоятельств? Где искать ответы?

Прозвенел звонок. Физичка подождала, пока класс рассядется, поправила серый самовязанный платок, в который все время куталась, и бесцветным голосом принялась вещать о том, что нас ждет на уроке. Может, она и отлично знала физику, но категорически не могла ничего донести, превращая интереснейший предмет в заупокойный.

Настало время опрашивать класс, она засела за журнал, потом поправила очки с толстыми линзами, скользнула взглядом по замершим ученикам, задала вопрос по теме, и я поднял руку, просто чтобы показать классу, как можно интересно рассказать про строение ядра.

Посмотрев на меня одобрительно, физичка резюмировала:

– Павел, у тебя достаточно оценок. Отвечать будет Яна Фоменко.

Она всегда задавала три вопроса, так что у меня будет шанс отличиться. Я даже подумывал облегчить физичке жизнь, рассказать тему следующего урока и раскрыть страшную тайну, что заклинание «прямо пропорционально», которое она все время твердила, имеет смысл, обозначает оно прямую зависимость.

Недовольная Яна отправилась к доске, но почему-то застыла, поджав губы и подняв ногу. Физичка тоже замерла, и Наташка, хулиганка с первой парты. Замерли все, кроме меня.

В очередной раз промелькнули мысли, что за ерунда творится, я собрался повернуть голову, но что-то остановило меня. Боковым зрением я уловил движение. По коридорам между партами к классной доске двигались будто бы два роя, имеющие человеческие очертания, состоящие из сине-белых светляков. Сердце заколотилось, меня бросило в жар, на лбу выступила испарина. Я словно попал в детский кошмар, когда знаешь, что невидим для монстров, пока недвижим.

Как в «Юрском периоде», о котором говорил Валька.

Поток, состоящий из непонятных символов, обтек замершую Янку, замедлился. Символы перестали роиться, стянулись в одно место, и пришелец стал человекообразным. Второй, похожий на синего угря с человеческой головой, рыскал между рядами, на миг останавливаясь возле каждого ученика.

Велика вероятность погрешности. Слишком низок коэффициент влияния, – то ли громыхало в голове, то ли говорили неведомые существа.

Внезапная активность. Флуктуации. Возможны необратимые изменения.

Эти твари точно ищут меня. Если побегу – догонят, что сделают потом, непонятно. Если прикинусь чучелом, может, и пронесет, не вычислили же до сих пор.

Напротив застыло лицо, состоящее то ли из рун, то ли из букв непонятного алфавита. На месте глаз скопились белые ноли. Я затаил дыхание, расфокусировал взгляд и изо всех сил старался не моргнуть.

Давай же, тварюка, лети отсюда. Но существо не торопилось, изучало меня.

Им точно нужен я, мое появление в прошлом нарушило какие-то там законы, и твари должны восстановить равновесие...

Так. Не думать. Я Павлик, Павлик, Павлик, всеми обижаемый никчема.

Заинтересовавшийся мной пришелец потек мимо, человекообразный тоже превратился в поток, один за другим они втянулись в доску, и время включилось. Яна шевельнулась, опустила

ногу, вышла к доске и развернулась к классу, физичка ободряюще кивнула, а я все сидел, замерев и боясь вдохнуть. По спине катилась горячая капля пота. Кровь грохотала в висках набатом. Тело подростка реагировало слишком бурно.

Не так все оказалось просто. Я что-то нарушил и чему-то мешаю, надо постараться поменьше отсвечивать, а то меня отправят туда, где мне надлежит быть – в небытие.

А физичка молодец, спасибо ей огромное, что вызвала не меня! Можно сказать, жизнь мне спасла.

Отвечать я не решился, просидел урок, отходя после стресса и позевывая. Вместо конспекта в тетради я царапал знаковые исторические события девяностых. Ближайшее, расстрел Белого дома, будет в октябре, дату точно не помню. Образование ЕС – 93, Первая Чеченская и вывод войск из Германии – 94, убийство Влада Листьева – весна 95, дефолт – вторая половина августа 98.

Зная, когда будет дефолт, неплохо бы набрать рублевых кредитов, купить на них доллары, а потом поменять баксы и вернуть долги, выручку оставив себе. Да и Листьева можно предупредить, вот только поверит ли?

Звонок прервал мысли о спасении Листьева. Сущности упоминали какой-то коэффициент влияния. Что это? И значит ли, что не стоит слишком активно менять жизни окружающих?

Я мотнул головой и под трескотню Борьки, который до сих пор смотрел мультики и о них мне рассказывал, направился на автобус, составляя план действий.

Очень любопытно выяснить, кто отправил меня сюда и зачем. Вряд ли это возможно, потому придется заниматься насущным.

Первое – надо привести тело в порядок. Второе: спасти отца, не дать развестись родителям. Пусть потом разводятся, когда отец обретет уверенность, а я ему в этом помогу. Третье: обеспечить себе человеческие условия проживания.

Пока этого не будет, думать о спасении мира рановато.

За бетонной дорожкой, по которой ученики заходили на школьный двор, находилась площадка, присыпанная гравием, окруженная сиренью.

На разбитой скамейке мой одноклассник лопухий Толик, окруженный приятелями, показывал им карты с голыми бабами. Борька потянул меня за рукав, кивнул на одноклассников.

– Пойдем, глянем?

Я мотнул головой, потому что намечался спектакль с моим участием: у крайней лавки, не видя меня, Агоп держал за грудки мальчишку лет десяти-одиннадцати и что-то ему втолковывал, Пис щербато скалился, поигрывая ножом, а в стороне топтался Длинный, который не дружил с головой. Зато у него всегда были сигареты.

Лет пять назад были в ходу цепи и ремни с металлическими пряжками, с которыми парни ходили стенка на стенку – летели по закоулочкам клочки, слюни, кровь, зубы. Когда рос я, порода уже знатно измельчала, перевелись как металлисты, та и любера.

Друг из Казахстана, мой ровесник, рассказывал, что на его родине, как и во многих уголках осколков СССР, школьники ходили под старшаками, а те – под уголовниками. Собиралась дань на зону, и ты либо «пацан», либо «черт».

Наш город всегда был «красным», то есть его контролировали менты, и криминальные элементы не имели власти над обществом, да и единственный бандитский авторитет был из правоохранительных органов. Так что Павлику, то есть мне, повезло жить среди относительно тихих начинающих алкашей, первитиновых наркоманов, один за другим сгорающих от паленого пошла или передоза, и малолетних «плечевых» проституток.

Будь в моем детстве так, как рассказывал Дэн, я бы не отсиделся по-тихому и не стал тем, кем стал. А так, если разобраться, Павлику некого бояться.

Видимо, гоп-команда вымогала деньги у напуганного малыша – не для сидельцев под чьим-то прикрытием, а себе на сигареты. Пис заметил меня, вытянулся, заплывший (хотелось верить, что от моего удара) глаз открылся. Агоп отшвырнул мальчишку, сунул руки в карманы, и гопники направились ко мне.

Двигались они, как рыбы в стае. Пис вильнул влево, и приятели повторили движение.

Я попытался вспомнить, что было в исходной реальности в этот день. А ничего. После травмы я прикинулся больным и сидел дома три дня. Встречу с гопниками можно считать точкой бифуркации реальности, началом новой ветки.

Я в упор уставился на Писа и шагнул к нему. Он ожидал другого и остолбенел, Агоп напрягся, как собака перед броском, Длинный улыбался и не понимал, что происходит. Я пошел ва-банк:

– Длинный, сигареты есть? Дай. – Парень без задней мысли протянул открытую пачку. Доставая даже на вид вонючую папиросу, я обратился к Пису. – Идем в курилку, перетрем, а вы останьтесь.

Слишком часто я в последнее время шокирую людей. Пис разевал рот, не в силах ничего сказать. Первым с духом собрался Агоп:

– А чего это мы...

– Потому что сопливые, – отрезал я, выделяя особый статус Писа, тот, не ударив в грязь лицом, поплелся за мной в курилку, где уселся напротив на корточках.

– Чего тебе? – наконец выдавил он.

Как же они управляемы, страхи моего детства! Отмороженный Пис, которого боялось полшколы, теперь вызывал сожаление, как больной котенок, который родился на свалке, ел на свалке всякую гадость и вынужден гонять со своей территории других котят. Тонкая грязная шея с потеками пота, жиденькие волосенки, гноящиеся глаза, траурная кайма под ногтями.

Чтобы ему было понятнее, я нецензурно попросил оставить меня в покое и добавил:

– Вкурил? Если нет, я тебе ребра пересчитаю. Без шуток.

Он злобно прищурился и сплюнул сквозь зубы, нашел взглядом подошедшего Агопа, и глаза его недобро блеснули. На всякий случай я развернулся, чтобы не оставлять вероятного противника за спиной.

– Пухляш просит больше не трогать маленького, – кривляясь, прошепелявил Пис и стал напоминать Голлума из «Властелина колец».

Закончить ему я не дал, поднялся, тоже сплюнул:

– Я не прошу, а предупреждаю. Если еще раз ты хотя бы помотришь на меня косо, я тебя так отделаю, что ты закукарекаешь. – Я схватил его за грудки, встряхнул – затрещала клетчатая рубашка. – Ты ж все зоной кичишься, а знаешь, кто на зоне кукарекает? И погрохочешь, кудахча.

Оттолкнув его, я шагнул назад, чтобы контролировать мальчишек, которые, скорее всего, захотят крови Павлика, то есть моей.

– Мне не хочется вас калечить. Поверьте, я сильнее. Если ползете ко мне вдвоем, оба и огребете.

Моя уверенность их не убедила. Отмороженный на всю голову Пис выхватил нож-складень, дернул рукой, чтобы эффектно разложить его, но ржавый механизм заело. Нужно было действовать быстро, я подхватил кусок арматуры, и тут произошло странное: фигуры Писа и Агопа подсветились красным, над обоими зажглись их имена, сбоку замигала цветовая шкала. Я мотнул головой, и мир стал прежним.

Секундного замешательства Агопу хватило, чтобы сориентироваться, и он попытался достать меня кулаком – еле успел отшатнуться и сгруппироваться. К тому времени Пис разобрался с ножом и принялся приближаться на полусогнутых.

Откуда им знать, что перед ними не размазня Павлик, а сорокалетний мужик, который умеет обращаться с огнестрелом и пару раз выступал на ринге как боец смешанных единоборств. Этот мужик пять лет работал лесником и жил в лесу с медведями.

Только бы корявое тело не подвело! Шаг вперед, удар арматурой по руке с ножом, поворот, тычок в «солнышко» Агопа...

Все. Пис ползает на четвереньках, ищет нож, Агоп упал на колени, не может вдохнуть. Ножик у Писа пришлось отобрать, Агопа я похлопал по спине.

– Я вас предупредил. Еще раз квакнете что-то, повторю воспитательную процедуру, да так, чтоб вся школа видела, и тогда конец вашему авторитету.

Мальш, у которого они вымогали деньги, наблюдал со стороны. Заулыбался, видя, чем дело кончилось. Мало того, мои одноклассники тоже все видели, и Толик показал «класс».

Возбуждение от драки схлынуло, тело расслабилось, в обычном режиме заработал мозг, и я попытался быстро проанализировать случившееся. Каждое событие может иметь особое значение. Что со мной произошло только что, почему так изменилось восприятие? Я сфокусировал взгляд на Агопе, который наконец раздышался, подумал о галлюцинации...

Получилось! Агоп снова подсвечен красным, его алое имя мигает над головой, как у моба компьютерной игрушки, а слева от него – оранжевый прямоугольник, разделенный на секции. Характеристики персонажа? Я мысленно потянулся к панели, но из шести прямоугольников отозвался только нижний. При касании он позеленел и рассыпался словами: «Коэффициент влияния – 0». У Писа тоже был нулевой коэффициент влияния.

Я оторопел. Про этот коэффициент говорили явившиеся на физику сущности. Что он значит? Влияние – на что? И какой он у меня? Почему я не могу этого узнать?

В ушах зазвенело, я потряс головой и поплелся к своим, отупев от произошедшего. Есть три естественных реакции на опасность: бей, беги, притворись мертвым. Мой организм так до конца и не излечился от трусости, и частенько в критических состояниях притворялся мертвым – я становился медлительным и переставал соображать.

Для Павлика это естественное состояние.

Что же получается... Я словно в... Черт. Мы все – цифра, виртуальная реальность, чья-то злая шутка... Или игра? Эдакая «цивилизация», где нужно запустить ракету в космос или изобрести ядерную бомбу. Или нет? Я провел ладонями по щекам, впитал ощущения, сорвал лист сирени, пожевал. Тьфу, горечь! Я живой, Агоп и Пис тоже живые. Муха-«музыкантик» и то живая. Стрижи, голубь, раздувающийся перед голубкой.

Кот, подставляющий живот солнцу. Сирень. Мыши. Черви под землей. Бактерии. Все это движется, размножается, простые организмы не осознают, но ощущают себя. Как это все может быть цифровым? Была теория, что наш мир – симуляция. Как-то просматривал статью, но не вник – тема не зацепила, а сейчас искать ее бессмысленно, просто негде ее искать, Интернета-то нет. Да и тему саму еще не придумали.

Или есть Интернет? Когда он появился в России, я не знаю. Мне он стал доступным в начале двухтысячных, хотя знакомые из более продвинутых регионов, по их словам, «ходили в Интернет» еще в конце девяностых.

– Эй, Горский, ты чего? – привел меня в чувства голос Толика.

Я обнаружил себя замершим посреди асфальтовой дорожки, разделяющей две площадки, засыпанные гравием. На двойное потрясение тело отреагировало тошнотой, ознобом и обильным потоотделением.

– Да так, с Писом отношения выяснял, – я кивнул на заросли сирени, откуда донеслось:

– Тебе не жить, жирдяй! Молись!

Я продемонстрировал напрягшемуся Толяну трофейный нож:

– Пришлось проручить и обезоружить. – Я оглядел одноклассников и сказал: – Если дорываться будет, говорите мне.

Не дожидаясь их реакции, я побежал на автобус – меня ждали чрезвычайно важные дела. Удивление парней ощущалось физически – даже оборачиваться не надо было.

А у меня осталось четыре часа, чтобы поговорить с отцом, который должен быть дома, и кое в чем его убедить, потом я снова стану Павликом, ни на что не годным. Пусть в этой новой реальности отец останется жив, он ведь неплохой мужик: добрый, в чем-то талантливый, мать любит. Ну не успел перестроиться в Перестройку, нужно помочь человеку.

Очень надеюсь, что он не потерял веру в себя.

Глава 6. Точка номер два

На аллее я едва не столкнулся с молоденькой учительницей младших классов, сфокусировал на ней взгляд: «Юлия Васильевна Власенко. 07.07.1968. Коэффициент влияния – 0».

От удивления из головы выветрились даже сущности, которых я окрестил контролерами. Так что, теперь я буду смотреть на людей и видеть их данные? Шесть блоков, но мне доступны только три, хотя раньше мог прочесть лишь коэффициент влияния.

Хоть что-то проясняется, но от понимания, что ты внутри компьютерной игрушки, ни разу не легче. Получается, что мы вроде как и не живые, так, функции, работающие на чью-то систему. Может ли быть, что коэффициент влияния – показатель, насколько важна личность-функция?

Библиотекарша, идущая следом, тоже имела нулевой коэффициент. Меня все не оставляли мысли, какой же он у меня и на что влияет. Судя по тому, что говорили контролеры, он есть, но небольшой. Как бы посмотреть? Может, в зеркало на себя глянуть, и там будут данные?

В любом случае надо топить домой, пять часов – это так мало.

На остановке, опершись о трость, ждал автобуса ветеран в коричневом пиджаке, увешанном медалями. «Леонтий Николаевич Вяхирев. 01. 04. 1927. Коэффициент влияния – 0». Гордый старик опирался на трость, но не шел в остановку на заплыванные семечками скамейки.

Полная женщина с черными стрелками до ушей и прической «муравьиная куча» беседовала с подтянутой сорокалетней дамой, одетой, как актеры немого кино. «Екатерина Васильевна Миrowsодова. 13. 10. 1961. Коэффициент влияния – 0» и «Оксана Олеговна Снитко. 06.07. 1957. УЗ – 0».

В полупустом автобусе две старушки, молодая женщина в леопардовой мини-юбке и с начесом, водитель и юная кондукторша оказались «нулевыми». Причем водитель, кондукторша и леопардовая не подсвечивались оранжевым, как остальные, а были серыми, будто они не люди, а часть интерьера.

Как я понял, люди, относившиеся ко мне хорошо, подсвечивались зеленым, нейтральные – оранжевым, враждебные – красным. А серые тогда кто? Мобы?

Когда я выходил на своей остановке, навстречу двинулась соседка и она же бабушкина двоюродная сестра.

«Валентина Прокофьевна Потапова 1941, коэффициент влияния – 0».

Все односельчане, встретившиеся на пути, тоже были «нулевыми». Какие же вы, люди «влиятельные»... или «влиятельные»? Существоете ли? Или я первый?

Как и в любом поселке, тебя считают хорошим мальчиком, если здороваться со знакомыми и незнакомыми, я здоровался и улыбался, по-новому глядя на забытых людей из детства.

Ворвался в квартиру, посмотрел на себя в зеркало, сфокусировал взгляд над макушкой, но не нашел характеристик. Открыл рот, чтобы позвать отца, но не вспомнил, как к нему обращался в детстве. Мама, Катька, да и я не называли его иначе как «папка».

– Пап! – Крикнул я и испытал неловкость, так обращаться к неуважаемому человеку было... неприлично, что ли. – Папа! Оте-ец!

– Не ори, – донеслось из комнаты сестры, точнее, из нашей общей комнаты. – Все ушли на дачу картофан рыхлить, а он к баб Нине свалил. В бане надо отремонтировать кран, а ему облом!

Я глянул на часы: 14.30. Моя личность пробуждается где-то около 13.00, надо будет точно засечь время, и активна до 18.00. Сейчас полтретьего. У меня три с половиной часа, чтобы добраться до соседнего села. Автобус туда ходил редко, и он уже уехал, но в гараже у меня был старый велик, на котором я изредка ездил на речку купаться. На велике туда ехать минут двадцать.

– Кать, скажи всем, что я поехал в Хмельницкое.

– Нафига тебе туда? Мне старая поручила тебя накормить. Жрать будешь? – Из комнаты она так и не вышла.

Я нырнул в кухню, обнаружил в кастрюле вчерашний суп-кисель, чуть разбавленный водой, и недоеденные пирожки. Презрев запрет, сделал себе бутерброд с колбасой, проглотил его, заедая квашеной капустой.

Сестра застала меня с набитым ртом, неодобрительно покосилась на бутерброд.

– Колбаса ж только на утро...

– Позавтракаю яйцом, – отмахнулся я и, жуя на ходу, поспешил в гараж, по совместительству сарай, что находился за нашим домом рядом с гаражом Васьки-соседа.

На выходе замешкался, схватил мамины электронные часы с отломанным пояском – мне нужно было ориентироваться во времени.

– Совсем долбанулся, – бросила в спину Катька.

Велосипед был не на ходу, пришлось полчаса возиться, искать насос среди злама, сваленного кучами, и накачивать спущенные камеры.

Крутя поскрипывающие педали, я все еще не мог поверить, что спустя много лет я наконец дома. Неотрывно глядел на сизые горы вдалеке, на холмы из известняка.

В детстве бабушка нам доходчиво объяснила, что отец – пропойца и тварь дрожащая, ни на что не способная и ленивая. Он уходит из дома, чтоб ничего не делать. Теперь я понимал отца – находиться с ними под одной крышей невыносимо – ни секунды покоя. К тому же жена изменяет и особо этого не скрывает, тут любой запьет, а мой отец – человек мягкий, внушаемый. Накатит двести граммов горькой – и сразу смелость появляется, и жизнь уже не кажется пустой.

Даже не запыхавшись, я доехал до Хмельницкого, миновал огромную шелковицу, стоящую на пустыре, разогнал купающихся в пыли кур и мимо деревенского магазина и рядка домов доехал до Т-образного перекрестка. Бабушкин дом мог бы иметь два адреса, потому что на нем сходились две улицы.

Деревянный забор был выкрашен зеленой краской, как и много лет назад. Вместо замка на калитке – веревочная петля. Двор ухожен, у распахнутой двери – велосипед старшего брата, Андрея. Ветер колышет белый тюль.

Дверь в кухню тоже открыта, там дед Иван курит самосад, и тянет табаком. Я спешил и нерешительно остановился у калитки. Понятия не имею, как с ними себя вести. Будто бы в сон попал. К счастью, бабушка вышла на порог с огромной кастрюлей и заметила меня, воскликнула:

– Павлик! Заходи, дорогой! Давно не приезжал.

– Экзамены на носу, – почти не соврал я, прислоняя велосипед к забору.

Когда я был здесь в последний раз, двадцать лет назад, забор разобрали алкоголики, друзья отцовского брата, чтобы топить печь, окна выбили, дом словно умер вслед за бабушкой, а умерла она рано, запустила коварную болезнь.

– Сережа! – позвала бабушка, обернувшись. – Выходи! Павлик приехал.

Странно, я помню бабушку совсем старенькой, теперь передо мной вполне крепкая женщина, высокая, статная, смуглая и чернобровая, я бы сказал – цыганистая. В темных волосах, собранных на затылке в сетку, – пряди седины. Для подростка шестьдесят – даль далекая, где живут а деды и бабки, а для мужчины за сорок – скорое будущее.

– Отлично выглядишь, – искренне проговорил я и перевел взгляд на отца, вышедшего на порог.

Ему тридцать семь, он моложе меня настоящего. Среднего роста, широкий в плечах, слегка сутулый мужчина, наполовину седой, с крючковатым носом на квадратном лице, с косматыми бровями, нависшими над ясными, удивленно распахнутыми глазами восторженного юноши.

– Заходи, попьем чаю, – пригласила бабушка и улыбнулась, на месте ямочек на щеках залегли морщины.

Все что я смог проговорить:

– Па, а мы тебя дома ждем. Я волноваться начал.

– Здесь он, – вздохнула бабушка, посмотрела на отца с укоризной. – Говорю, чтоб домой шел, а он все никак.

– Как ни крути, его дом здесь, он здесь родился, – выдал я. – У нас ему неуютно, и это понятно.

Отец вскинул брови, молча прошествовал в летнюю кухню, откуда все еще тянуло табаком.

Я поздоровался с дедом, который по обыкновению слегка пьяный лежал на кровати у печи, и уселся на табурет.

– С гораздо большим удовольствием выпью стакан молока.

Бабушка с радостью выполнила мое пожелание и поставила, о, господи, снова пирожки. Через два года она должна умереть от рака легких, возможно, она уже больна, но не знает этого.

– Как ты себя чувствуешь? – начал я издалека.

– Хорошо, давление не беспокоит, сердце тоже.

– Слабость? Гемоглобин у тебя какой?

Она взмахнула черными ресницами-саблями, округлила глаза. Ну вот, в очередной раз удивил человека. Приехал скромный внучок и ведет себя, как врач на приеме.

– Не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Я не только спрашиваю, но и буду настаивать на том, чтобы ты сделала снимок легких и сдала кровь. И не отстану, пока не отведу тебя в больницу. Если не захочешь, останусь тут жить. У меня есть причины подозревать, что ты начинаешь серьезно болеть. Папа, обещай за ней проследить! Чем раньше она пойдет к врачу, тем лучше.

Дед крякнул и закашлялся. Бабушка переглянулась с отцом.

– Хорошо. Но почему ты так решил?

Сказать, что приснился плохой сон? Поверит ли? Не помню, была ли она суеверной. В церковь вроде ходила, и образа у нее в прихожей.

– Очень плохой приснился сон про всех нас, про тебя в особенности, поэтому я и приехал. Бабушка побледнела, даже руку к груди приложила. Поверила!

– Ты можешь себя не жалеть, но на тебе все держится. Как они без тебя? Пропадут ведь.

– Что за сон? – поинтересовался отец.

Давным-давно перед бабушкиной смертью мне и правда приснился кошмар, что в этом доме завелось нечто, похожее на гниющий кусок мяса. Это нечто прорастало щупальцами в землю, пухло и распространялось дальше. Даже врать не пришлось, придумывая сон. По мотивам я написал фантастический роман, который даже издали неплохим тиражом и заплатили мне приличный по тем временам гонорар.

Надо же, отец, оказывается, тоже суеверный! Испугался не меньше бабушки. Почему я раньше не замечал, с какой любовью он на нее смотрит! Любимый сын любимой матери. Сейчас опухоль, если она есть, маленькая, с большой вероятностью операция спасет бабушку.

Кипяченое молоко имело вкус детства. Когда бабушка кипятила его в духовке печи, оно поднималось, и пена бралась коричневой корочкой. Никогда не думал, что снова почувствую этот вкус!

– Безумно вкусно, – искренне ответил я и порадовал бабушку, попросив добавки.

Опустошив второй стакан, обратился к отцу:

– Ты на рыбалке давно был? Очень хотелось бы половить раков, как раньше.

Вспомнив о том, что вижу людей игровым зрением, я проверил отца, бабушку и деда. Как и предполагал, у всех нулевой коэффициент влияние.

– Только вчера вернулся. Раков немного, штук двадцать, но крупные, – оживился отец. – Одного вот такого принес, – он показал размер – сантиметров двадцать пять. – Уже всех съели.

– Хочу такого же! – Я изобразил воодушевление. – Давай на следующие выходные пойдем. Страшно ухи хочется! Андюшку возьмем. Заночуем в лесу!

– Форель крупная пошла, – с радостью поддержал отец любимую тему. – И марена[1]. Вчера одна в кубарь поймалась, килограмма полтора.

– Здорово! А помнишь, как мы карпов поймали? Один семь килограммов, другой пять! Ты большого нес на крюке, а его хвост по земле тащился!

– Ты молодец, что их нашел! Мелкий был, а шустрый! – Он хлопнул меня по спине. – Смена мне растет!

Вот, уже все счастливы, кроме деда Ивана, деду все равно. О нем я знаю еще меньше, чем о деде Николае. Жил на Дальнем Востоке, дезертировал во время войны. Сдается мне, он не дезертировал, а сидел. Но кто ж мне расскажет-то? Нужно будет при возможности расспросить его.

На улице загрохотало, заскрипело, донеслись голоса, и в кухню ворвался мой двоюродный брат Виталик двенадцати лет от роду, увидел меня, потряс протянутую руку.

– О, давно тебя не было, – пропищал он.

Следом вошел Андрей, ему в августе будет семнадцать, – уже не подросток, но еще и не юноша, – тощий, головастый, с оттопыривающимися ушами и модной стрижкой «под площадку». Увидев меня, сверкнул глазами и сказал:

– Хай, Пашка! Идем ко мне? Я тааакую группу нашел!

– Ок, – ответил я и поймал себя на том, что этот англицизм вошел в обиход гораздо позже. – Зайду.

Андрей топтался вокруг меня, пританцовывая от нетерпения и не понимая мои недовольные взгляды. Так и будет по пятам ходить, с отцом поговорить не даст. Я посмотрел на часы: у меня осталось два часа. Должно хватить с головой.

– Пойдем глянем, а то опять забуду.

Андрей увязался следом. Он изображал крутого парня: сутулился, руки прятал в карманах растянутых треников. Шестнадцатилетний взросляк, не то что мы, салаги.

– Слышал о группе «Красная плесень»? – шепотом, с придыханием спросил он в прихожей дома, когда мы принялись разуваться. – Это круче «Сектора газа».

– Не люблю похабных панков, – ответил я. – И юмор такой – не очень. Стоп! Разве «Красная плесень» уже появилась?

Андрей скривил рот полумесяцем. Морщины у него образовывали на лбу подкову, ножками стоящую на краях бровей, отчего его лицо выглядело комично.

– Ты знал? – возмутился он. – Но откуда? Мне дали кассету, которую... У них официально альбомов еще не выходило. Это пробная запись, мне ее дал Леший, а у него брат учится в городе, где они живут. Друг того брата – знакомый этих вот, они ему дали кассету, он переписал... Ну и вот. Откуда ты узнал?

Меломаном был я. Обычно у меня первого появлялись интересные записи: Дэпешы, Квины, Скорпы, Рейнбоу и прочий рок разного времени, ими я делился с братьями, потому что мог переписать с кассеты на кассету на новом японском магнитофоне. Андрей хотел меня удивить и – такое разочарование. Этого разговора точно никогда не было, я его запомнил бы.

И моего майского визита не было в той реальности, никто не заставил бабушку сходить к врачу, и она умерла. Значат ли эти события, что в теле мироздания прорастает новая реальность?

В ответ я покачал головой, вышел на улицу, сорвал травинку и сунул в зубы. До чего же хочется курить! Гадство. Даже после смерти не избавился от любви к никотину и горьковатому дыму.

Из кухни вышел отец, увидел меня и направился в огород – думал, что меня послала мама, чтоб я привез его домой. Раз не получается найти ответы на игровые вопросы, пойду-ка я к отцу, проведу воспитательную беседу, вряд ли она возымеет действие, но нужно хотя бы начать.

Недалеко от погреба уже начала поспевать парниковая клубника, по грядке ходил отец, искал ягоды и собирал в руку, но не ел. Я остановился в проходе и сказал:

– Попробуй догадаться, что ждет тебя дома.

Он обернулся, сжал челюсти, его зеленые глаза потемнели, как море перед грозой, он перебирал камни ответов, примерял их на шею.

– Тебя там не ждет ни-че-го.

Отец смотрел на меня в упор и не понимал, к чему я веду, держал клубнику в горсти.

– Они не расстроятся, если ты вообще не придешь, расстроюсь только я. Согласен, находиться там невыносимо, бабушка вздохнуть не дает, не дает шагу ступить, здесь гораздо спокойнее, здесь тебя ждут и любят. Как подросток четырнадцати лет я тебя понимаю. Но ведь тебе не четырнадцать лет, у тебя двое детей и семья. Это бабушкин дом, там – бабушкин дом, я хочу свой дом, хочу свою комнату, чтобы не просыпаться по ночам от храпа, у меня от него скоро крыша поедет...

Отец еще сильнее сжал челюсти, шагнул ко мне, высыпал клубнику в подставленные ладони, повернулся к подвалу, растущему из земли, и со всей дури приложился к его стене кулаком, еще и еще раз, пришлось виснуть у него на руке, чтобы он не разбил костяшки.

– Да что ты понимаешь, сопляк? – прошипел он, стряхнув меня с руки. – Я получил комнату в общежитии, но она отказалась там жить! Отказалась – вдвоем! Всем, кто там жил, дали квартиры! Она к матери пошла, там, – он сплюнул. – Ей спокойнее. Там она, – он еще раз сплюнул и отвернулся, чтоб я не видел наворачнувшихся слез. – Она меня не слушает.

– Она и себя не слушает, бабушка на нее влияет, – поддержал его я. – Как сыну можешь мне не отвечать, но ответь как мужик мужику, себе прежде всего ответь: тебе она дорога? Только не лги, я пойму и приму любой твой ответ. Сможешь ли ты... простить?

Он не удивился, что я знаю об измене матери, ссутулился и стал маленьким, жалким.

– Ты сам сказал: мне там не светит ни-че-го. Я ей только мешаю, что я, не вижу, что ли? Зачем приходиться, когда не ждешь? Даже ты знаешь... Павлик, как же так, а?

В его взгляде плескалось такое отчаянье, что я отвернулся, побоялся, что оно выльется и утопит меня. Хотелось сказать, что когда загулял отец, тоже все знали, даже семилетний я тыкал дули толстой тетке, которая живет в Денисовке возле библиотеки.

– Просто ответь, хочешь ли ты ее вернуть, и чтоб все было хорошо? Только честно.

– Не получится.

– Ты хочешь? Если да, то я помогу тебе.

– Ты? – Он уставился на меня, как овчарка на чихуа-хуа, вздумавшую ее охранять.

– Да. Только ты должен хотеть, а не один я.

Пришел Виталик, полез к клубнике, но я прогнал его. Отец сел на корточки, уставился на кровоточащие костяшки, одну руку прижал к груди, вторую положил мне на плечо и сказал с придыханием:

– Пашка, я этого больше всего на свете хочу. Чтоб ты... и семья, – он отвернулся и сказал в сторону; – и Катька...

– План такой. Приходишь трезвым... Если сложно, в подпитии, но – немного, чтоб не понесло. Говоришь, что так дальше жить нельзя, собираешь вещи, съезжаешь сюда. Не возмущайся, так надо. Пусть мама проревется, пострадает, а потом... А потом ей просто надо почувствовать, что она не одна, что у нее есть опора и поддержка, и это не бабушка, а ты. Ты будешь приходиться типа к нам, всегда трезвый, всегда с подарками. Не бойся, в этом я тебе помогу.

Я рассчитывал, что отец немного побарахтается, попытается поставить меня на место, включив родителя, ведь это он должен меня воспитывать, а не наоборот. Но человек со слабой волей с радостью перекладывает ответственность на другого, пусть даже на подростка.

– А если вообще уйдет... к этому? – засомневался он.

– Не уйдет, не переживай, он скорее всего командировочный женатик. Ты получишь участок как работник совхоза, и мы построим дом.

Отец рассмеялся, хлопнул себя по бедрам.

– Ты как скажешь... А где брать деньги?

– Я тебе помогу, знаю, как это сделать. Витька, брат твой, еще проводник?

– Завтра в рейс.

– Это ж золотое дно! Он же в Москву ездит? А все деньги России – в Москве! У него есть поезд, у тебя – овощи и фрукты. Сечешь?

– Барыжничать... – посмурнел он. – Нет у меня жилки этой... – Он покрутил пальцами, подбирая слово.

– Коммерческой. Зато у меня есть. Только один я ж не смогу, мелкий еще. Ты отвезешь меня в Москву и подстрахуешь, за лето наколотим долларов пятьсот, на первое время хватит...

– Я матери предлагал участок, она не хочет. Там нет воды и газа.

– Поверь, будет там и газ, и вода. Через пятнадцать лет земля там будет золотая... А еще лучше у моря купим, за городом, где заброшенный военный аэродром, чтоб подальше от бабушки Вали. Туда скорее дойдет цивилизация...

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю. Информация достоверная. Но прежде тебе нужно получить участок. Что для этого нужно? Сколько денег на взятку?

Отец рассмеялся.

– Да нисколько. Написать заявление, обменять акции на землю и поставить начальнику пузырь водки.

Теперь я уставился на него, как на ископаемое, хотелось отчитать его, что он олух, деньги валяются под ногами, возможности растут на деревьях – протяни руку и сорви, и семья не разрушится, и столько людей останется жить. Пустячное ведь дело! Но я смолчал, чтобы не нарушать зародившееся доверие.

Он родился таким, как и миллиарды других людей. Он не плохой, не хороший и тем более не ничтожный, каким его считает бабушка. Ему просто тяжело принимать решения, у него слабая воля, и это не его вина.

Зато если найти ему интересное дело и направить, он станет верным помощником и неравнодушным компаньоном.

– Значит, так, – подытожил я. – Завтра идешь в этот ваш колхоз...

– Завтра ж суббота, – виновато проговорил отец, он был на пяток лет младше меня, когда я погиб, и а по опыту я опережал его лет так на сто и разговаривал с ним, как с младшим.

– Все равно идем, кто-нибудь да будет. Пишем заявление. Как – я тебя научу. И узнаем детали. Жду тебя завтра в час дня на остановке.

Обнявшись с бабушкой и напомнив ей про больницу, попрощавшись с братьями и наказав отвести бабушку к врачу, пожав руку оживившемуся отцу, я покатыл домой. У меня осталось полтора часа, потом вернется Павлик, начнет тупить, отлынивать и обжираться. Но кажется, я знаю, как замотивировать себя-маленького. Павлик ведь тоже умеет страстно желать, и желаний у него три: своя комната, Леночка и видик. Если без согласования с ним наводить порядок в реальности, он взбунтуется и будет саботировать мои действия.

В принципе, научить Павлика действовать самостоятельно – основная моя задача, ведь неизвестно, сколько в его теле пробудет мое сознание и как быстро меня вычислят и изгонят контролеры. Понимаю, здесь я временный пассажир, потому напишу ему письмо, что случится

с каждым членом моей семьи, как скоро, какие направления развития у Павлика и что для этого нужно сделать.

Думаю, он перестанет меня бояться и воспримет не как интервента, а как взрослого, пришедшего помочь. Да, через тридцать лет все накроется медным тазом, но разве это мало – тридцать лет счастливой жизни?

[1] Марена (усач, европейский карп, келаб) – вид лучеперых рыб, обитающий в чистой проточной воде, икра усача ядовита.

Глава 7. Павлик на тропе войны

Павлик вернулся в тело и обнаружил себя за гаражом, сидящим с учебником химии на перевернутом ведре, а в учебнике было то, чего ему не хватало с утра: две записки от Павла взрослого, одна с перечислением значимых событий, а на другой – обращение к Павлику.

Сердце заколотилось. Почти как в фильме «Назад в будущее»! Тут были перечислены некоторые события, на которых можно было сыграть: валюта, футбольные матчи с неточными датами, снижение и рост цены на землю, какие-то биткоины. Павлик представил, как уговаривает маму потратить двести накопленных долларов не на телевизор, а на участок у моря.

Обращение было написано его почерком, только более крупным и размашистым:

«Если ты думаешь, что будет легко, то ошибаешься. Я-ты уже совершили действия, от которых реальность начала меняться. Возможно, теперь некоторые указанные события не случатся, или результат их будет иным. Так что все равно придется работать над собой.

Я тебе не враг. Как можно быть врагом самому себе? Ты и так займешься собой и похудеешь – но следующим летом. Пойдешь на единоборства – но в девятнадцать лет. Женишься на Леночке, но в двадцать три, после военной академии, и она тебя предаст, но этого можно избежать. Как и мечтал, ты станешь писателем и издашь несколько книг, но они канут в лету, потому что время будет уже не то, тебе нужно стартовать как писатель лет на десять раньше. Готовься, дружище, предстоит большая, но очень интересная работа.

Что нужно сделать:

Перестать жрать сладкое и мучное.

Записаться на каратэ.

Не бояться озвучивать то, что тебе не нравится, и то, чего тебе хотелось бы.

Постараться увидеть в каждом, даже в Писе, что-то хорошее, посочувствовать, попытаться понять – так проще будет договориться, тебе незачем со всеми воевать.

Учить уроки, я тебе показал, насколько это несложно. Ты мог бы быть отличником, если бы немножко постарался, у тебя ж есть интеллект, есть способности, а ты зачем-то сливаешься с серой массой. Пора становиться собой настоящим. Ты настолько особенный, что вызвал контролеров! Ты ж всегда мечтал быть значимым, особенным. Не профукай возможность, а я тебе помогу».

Последнее воодушевило Павлика, у него прям крылья расправились и сила начала циркулировать по телу. В десять лет он мечтал быть Маклаудом, джедаем – кем-нибудь особенным. И вот он стал таким, правда, пока непонятно, в чем его сила.

Павел просит не ударить в грязь лицом, и он сделает все, что нужно. Он сможет. И та реальность доказала это. Будущее всегда казалось ему черным и безвыходным. Зачем учиться, если все равно знания не нужны, нужны бандиты и проститутки? А теперь он знает, что это временно, все наладится. Правда, через тридцать лет все умрут... А может, теперь не умрут, и он здесь, чтоб не допустить этого.

А может, и не все. Он знает, что наступит ледниковый период, и подготовится, станет новым Ноем, устроит базу на каком-нибудь острове. Или в космос улетит. Правда, прежде надо разбогатеть...

Он ходил вокруг гаража, сжимал кулаки, и фантазии его, которые раньше трепыхались головастиками в пересыхающей луже, летели все дальше и дальше.

Павлик расправил клетчатый лист, еще раз перечитал написанное, вспомнил мысли Павла, которые стали срастаться с его собственными, и решительно направился домой, распахнул дверь, готовый засесть за уроки, чтоб доказать самому себе, что он не тупой...

Но столкнулся с разъяренной бабушкой, бормочущей на кухне:

– От же паскудник. Ничего делать не хочет, лодырь поганый. Только обстируй его! А теперь шо учудил, а? Вот возьму топор, вот погоню... Гараж начал – бросил, сарай начал – бросил...

Обернувшись на скрип петель, она прожгла Павлика взглядом.

– Папка пришел, вещи собирает. И слава богу, давно бы так!

Павлика будто кипятком окатило. Это ведь он надоумил отца съехать! Надоумил получить участок и строить дом. Если Павел больше не придет – как он построит дом, у него доступ не ко всем навыкам себя-взрослого. Или ко всем? Взрослый думал, что у папки воля слабая, и его нужно направить. Но Павлик-то не сможет! И не знает, как писать заявление!

Что теперь будет?! Ощущение было, будто он вытащил кирпич из фундамента, все строение пошатнулось и вот-вот обрушится на него.

Втянув голову в плечи, Павлик вошел в зал, где на диване сидела рыдающая мама, с тоской смотрела на отца, набивающего дорожную сумку своими вещами. Папка глянул на Павлика, подмигнул и показал ему «класс». Он выглядел не несчастным – воодушевленным. Хотелось под землю провалиться от страха, но Павлик пересилил себя, улыбнулся незаметно от мамы и отзеркалил жест. Схватил тетради, учебник геометрии и рванул за гараж – работать в такой обстановке было невозможно.

Бабушка так увлеклась ненавистью к отцу, что не попыталась поймать и накормить внука. Павлик улегся на подстилку, брошенную на траву, открыл заданную тему, попытался вникнуть, зевнул, замотивировался, прочитав послание из будущего, и заставил себя вгрызться в гранит науки. Правда, решение далось не так легко, как Павлу, однако Павлик победил! Решил не только простую, но и сложнейшую задачу!

Безумно гордый собой, побежал домой, дома рука сама потянулась к пирожку, он отгрыз половину, но вспомнил, что пообещал взять себя в руки и помочь Павлу все изменить, вернул пирожок в тарелку, пусть и жрать хотелось неимоверно. Не есть – именно жрать, глотать не жуя, хлебать холодный суп прямо из кастрюли.

Но он обещал себе! Он должен стать сильным! И он сделает так, чтоб одноклассники уважали его, а не потешались над ним, как над тем слоненком.

Спать он лег голодным.

А утром пришел друг Валька – весь разодетый, в модном спортивном костюме с полосками, при барсетке, и Павлик вспомнил, что обещал другу поехать с ним в город за кассетой. Потом они должны были смотреть у него дома по видеку интереснейший фильм про динозавров «Парк юрского периода». Но в час дня Павлик уступит бразды правления телом Павлу, встретится с отцом и поможет ему написать заявление на получение участка.

От Штурмового до города было восемь километров. Поездка казалась Павлику приключением: долго ехать, потом ходить по красивому центру, есть мороженое в кафе «Снежинка», кататься на аттракционах. Особенно ему нравился «Сюрприз», где становишься в середину огромного колеса, пристегиваешься, и оно начинает раскручиваться во всех плоскостях с огромной скоростью, и если настроение плохое или тревожит что – мгновенно выветривается из головы. Американские горки тоже ничего.

Теперь же ему придется отказаться от удовольствия и обидеть Вальку, который один ехать побоится – далеко, маршрут мало изучен. Аж завывать захотелось от досады! Прокралась малодушная мысль проигнорировать отца, сказать, что заболел или мать не отпустила, бабушка заставила собирать жука...

– Извини, но не могу. – Довольное лицо друга вытянулось. – Родители разводятся... Никак не могу. В другой раз.

На глаза парня чуть слезы не навернулись, он захлопал ресницами и пролепетал:

– Разводятся?.. Так что...

– Поезжай один. – Павлик по-взрослому хлопнул его по плечу. – Фильм посмотришь без меня, он клевый.

– А аттракционы, – продолжил канючить Валька. – «Сюрприз»...

Павлик был в полшаге от того, чтобы сорваться с ним, но вспомнил послание и уверенно проговорил:

– Увы, никак. В другой раз. Хорошо тебе отдохнуть.

Развернулся и закрыл дверь. Конечно же, Валька смертельно обидится, он несамостоятелен и попросту заблудится в городе, потому повздыхает и останется дома, а завтра перестанет здороваться и видик смотреть больше не позовет. С Валькой тоже надо что-то делать, как-то помогать ему, потому что будущее у него не самое радужное. Он не сопьется, а забьется под маменькину юбку и до старости будет бояться нос высунуть.

Павлик востепенел и подумал о том, что это не его мысли! Его мысли – о кассете и каруселях! Только что он подставил единственного друга и закрыл себе дорогу к видеку и фильмам! Жизнь будто бы раскололи на две половины: до избиения Писа и после, причем вторая ее половина пока только вдохновляла, но не радовала. И требовала огромных трудозатрат. При одной мысли о том, что от него потребуется записаться на карате и прийти туда, к страшному тренеру, к сильным и наглым его ученикам, хотелось лечь и умереть.

Некстати... Или кстати вспомнилось, как приходилось унижаться перед Валькой, чтоб он позволил пересматривать «Терминатора», караулить, когда его родители уедут, потому что они не приветствовали Павлика в гостях, считали его не самым лучшим другом для их мальчика.

Его родители богатые, мама работала в водоканале, бабка – в огороде, отец – нигде, но несмотря на это, деньги у них не переводились. И видик был, и приставка была, и мечта Павлика – огромный аквариум. А так же безграничное презрение ко всем нищелюбам. Вспомнил – и стало обидно, что Валькины родители так к нему относятся, и перестал чувствовать угрызения совести, что подвел друга – пусть подавится своим видеком. Вполне может случиться, что кассету они привезут, но родители Вальки Павлика на просмотр не пустят.

Домой идти не хотелось. После того, как взглянул на свою жизнь, на место, где он живет, глазами мудрого взрослого, Павлик ужаснулся, и осознал то, что раньше только чувствовал – находиться там тяжело. Нужно оборудовать себе рабочее место в гараже: учиться под телевизором, который никогда не затыкается, – та еще пытка.

Сегодня к привычно нервной атмосфере добавилась мамина хандра. Она ходила, как в воду опущенная, бабушка и Катька наперебой ее утешали, а Павлик подумал, что раз мать страдает, значит, для них с отцом не все потеряно, беда только, что ни у одного, ни у второй нет воли, нужен добрый взрослый типа Павла, который этих двоих направит, куда нужно. Но вместо такого взрослого есть бабушка Валя, всей душой желающая как лучше, но такое «лучше» не работает уже лет как сто.

Надев спортивки, Павлик, все еще чувствуя себя избранным, отправился на пробежку вдоль дороги в Хмельницкое, где мало кто ездит, но, преодолев километра полтора, чуть не умер, покраснел, закашлялся. Жиденько для начинающего джедая, совсем жиденько!

И вообще, как-то все слишком тяжело. Понятно, что результат будет не сразу, но...

Ты уже начал. Неужели отступишь, полезешь в свою раковину, отвернешься от того, как можешь измениться к лучшему!

Память Павла он воспринимал так, словно просмотрел фильм, но выходил на самых интересных моментах. После сюжета фильма, полного упорства, боли, преодоления трудностей, испытал торжество, радость обладания, гордость за выполненную работу, разве можно довольствоваться продавленной кроватью рядом с храпящей бабушкой, ванной комнатой, стоящей в стороне от дома, которую нужно топить, чтоб получить горячую воду?

Нет! Отдышавшись, Павлик пробежал еще двести шагов и повернул назад, немного сбавив темп.

В тринадцать ноль-ноль, как и договаривались, он стоял на остановке и ждал отца. Солнце жарило не по-апрельски, но Павлик покрывался холодным потом при мысли о том, что Павел не придет, и придется самому отдуваться, а он ума не приложит, как и что делать. Там же все взрослые! Что он им скажет?

Пронзительный свист заставил его вздрогнуть и обернуться. К остановке вразвалочку топал Агоп, сунувший руки в карманы выцветших штанов, и Гусь – два реальных деревенских пацана. Когда Павел эмигрировал, популяция подобных особей почти вымерла, отдельные экземпляры оставались лишь в заповедниках гопников.

Павлик сразу же перестал ощущать себя джедаем, втянул голову в плечи и уставился на обидчиков, как лягушка – на ужей. Он знал, что сильнее и сметет их, если попрет буром, но страх сковывал движения, скручивал кишки в узел. Павел бы нашелся, что сказать – так сказал бы, что эти двое сразу в штаны навалили бы, а он...

– Че ты такой борзый стал, а? – спросил Агоп, остановившийся в двух шагах.

Гусь осклабился.

– Дай п... этому у...! – Он кивнул на Агопа. – Я ставку сделал, что у тебя кишка тонка.

– Эй, ты че? – возмутился Агоп и попятился.

И что на это отвечать? Павлик принялся лихорадочно перебирать варианты, отмел все, попытался представить, что бы сказал он-взрослый, и придумал вариант настолько дерзкий, что самому понравилось. Аж озвучить его захотелось, но как это прозвучит в его устах? Собравшись с духом, Павлик выпятил грудь и произнес:

– Ну дам. А мне что с того? На вас на всех «дам» не напасешься.

Лицо Гуся, похожее на мордочку хорька, вытянулось.

– Это че ты? – Он явно не понял, и Павлику пришлось повторять:

– Говорю, если дашь денег, я его побью. Просто так не буду. Лень, да и не за что.

– Ссышь? – прищурился Гусь.

И опять разум заметался, выбирая стратегию. Отнекиваться – признать его правоту. Бить Агопа – поступать несправедливо. Снова пришло дерзкое решение: Павлик шагнул вперед и без раздумий со всей дури ударил Гуся кулаком в нос, следом нанес удар коленом в живот и обратился к побледневшему Агопу:

– Паршивый у тебя... кореш.

И тут перед глазами Павлика потемнело – он понял, что вот-вот его заменит Павел, но прежде чем уступить ему место, успел прочесть текст, проступивший в черноте:

Получен коэффициент влияния: 2.

Глава 8. Плюс один

Я ненадолго ошалел, вперился в буквы и цифры, в появившиеся три желтых кнопки-кирпича с надписями. Это что же, характеристики Агопа? Я теперь могу их просматривать?

Присев на корточки рядом со скорчившимся Гусем, я положил руку ему на спину и сказал:

– Агоп уже понял, что со мной лучше дружить, теперь и ты поймешь. И еще одну вещь запомните, впечатайте себе в куриные мозги: вы оба должны подохнуть в 2006 году от передоза, на вписке... то есть в подвале. Будет это так, раньше или позже, зависит только от вас. Бывайте!

Пока говорил, я сканировал Агопа, его имя светилось уже не красным, а темно-оранжевым.

Валерий Фоменко, 13 лет.

Под ним – желтый прямоугольник с шестью секциями, нижняя подписана:

Коэффициент влияния: 0.

Остальные пустые, пятая и четвертая чуть выдвинуты, как ящики комода. Стоило мне сфокусироваться на них, и вперед подалась предпоследняя, в ней прорезался текст:

Отношение: неприязнь.

Четвертая полка гласила:

Значимость: 0.

– Почему Агоп, ты ж Валера? – задал я вопрос, который мучил меня всю жизнь, но я не осмеливался спросить, а потом стало не у кого.

Огорошенный, он ответил не сразу, и очень осторожно:

– С армяном одним спутали, потом приросло.

Я попытался выдвинуть полки с надписями, уверенный, что есть информация внутри, но не получилось. Видимо, остальные знания будут доступны позже. Появившиеся подсказки волновали меня куда больше, чем Агоп и Гусь, шипящий:

– Ах ты гнида жирная...

Я подошел к нему и занес руку для удара.

– Заткнись по-хорошему. Чтоб больше я такого не слышал.

Гусь внял, смолк и отошел в сторону, Агоп остался между нами. Над головой второго гопника возник светящийся квадрат с красным именем, возрастом и желтыми прямоугольниками.

Александр Лихолетов, 13 лет.

—

—

—

Отношение: ненависть.

Значимость: 0.

Коэффициент влияния: 0.

Два бесполезных существа, ненавидящих меня, хотя...

Имя Агопа уже высвечивалось желтым. Помнится, брат Андрей учил, что некоторые люди начинают понимать, только если что-нибудь им сломать. Павлик же был слишком боязливым, эмпатичным, причиняя боль, он сам ее испытывал.

Павлик взял второй коэффициент влияния. Наверное, потому что переступил через себя: не обожрался, бегать пошел, уроки выучил, не поехал на аттракционы, не струсил, врезал Гусю – видимо, достижения накопились, и коэффициент возрос. Получается, брать достижения и повышать КВ может только Павлик, но он не видит доступные мне характеристики...

Черт! Такое ощущение, что Павлик – мой персонаж, которого надо прокачивать! Растить коэффициент влияния, менять реальность, меняя человека. Возможно ли такое? Суперсила Павлика – способность влиять на события. Если цифры его КВ повысятся до максимума, возможно, мир не погибнет. Если так, то более и менее понятно, для чего меня переместили в прошлое.

Но кто? И почему за мной охотятся контролеры, если я делаю благое дело?

– Отвали, козел, – говорил Агоп заискивающему перед ним Гусю, а я заметил выезжающий из-за поворота отцовский ГАЗ-69 с брезентовым кузовом, легендарный советский внедорожник.

Судьба конкретно этого автомобиля – разобраным сгнить под дождем. Я зашагал навстречу машине, подождал, пока она развернется и остановится, сел рядом с отцом и окликнул гопников:

– Пацаны, в Денисовку подбросить? Только до первой остановки.

– Ага, – радостно кивнул Агоп, распахнул дверцу и плюхнулся на заднее сиденье, расположенное параллельно бортам, восторженно закрутил головой. – Ооо, крутяк, давно хотел на такой покататься! Лапчатый, ты идешь?

Гусь подумал немного и опустился на сиденье, расположенное параллельно тому, что занял Агоп.

– Она ж военная, – изрек Гусь, парни не обладали тонкой нервной организацией, их неоднократно били дома, для них битье было нормой жизни, потому обиду они быстро забыли.

Мотор ревел так, что мне пришлось орать, рассказывая краткую историю модели:

– Выпускался с начала пятидесятых по семьдесят второй год. Проектировался как тягач-внедорожник для перевозки пулеметов, боеприпасов, командирского состава. Первые три модели назывались – «тружениками». Этот, да, армейский, но был еще сельскохозяйственный, ГАЗ-69А.

– Как понял? – спросил раздувающийся от гордости отец.

– В том пять мест, а в этом восемь. А как он по горам ездит! Па, давай у озера свернем в балку, покажешь.

Отец улыбнулся, выжал газ. В зеркало заднего вида я наблюдал, как разгорелись глаза мальчишек, моих недавних врагов. Пятнадцать минут отец колесил по холмам, по старым проселочным дорогам, изрытым оврагами, вздымая тучи белой пыли.

Чтобы настроить всех на нужный лад, я стал орать на особо крутых подъемах, и мальчишки позади с радостью присоединились, сбросили агрессию, переплавили ее в адреналин.

Когда повернули назад, Агоп воскликнул:

– Крутая тачка!

– Ваще, – поддакнул Гусь и закивал головкой на длинной шее.

Расставались мы как приятели, Агоп пригласил меня на взрыв-поле искать гильзы, отец позвал всех нас завтра с утра в Хмельницкое перебирать стартер, а я мысленно попросил прощения у Павлика, что втягиваю его в авантюру, заставляю общаться с неприятными персонами, это ведь ему разгребать.

Приехав на место, к двухэтажной сталинке – административному корпусу совхоза, – отец долго не решался выйти из машины, но я ждал, чтобы он сделал первый шаг, воспитывал его, как Павлика.

– Если четыре сотки дадут – соглашайся, нам участок для дома, а не огород копать. Вдруг крайний будет – вообще хорошо, не бери только тот, что у подножия холма или у реки – будет топить. В идеале бы мне с тобой пойти, но это будет выглядеть странно.

– Да.

– Скажешь, что ты больше десяти лет отдал родному совхозу, служил на совесть и столько же собираешься служить, расскажешь, что живешь со свекровью, тесно, детям уроки негде делать, нужен участок, чтоб построить дом и сохранить семью. Понял?

– Может, там вообще никого на месте нет. – Отца, видимо, эта мысль обнадежила, и мы вместе поднялись по широченным ступеням, вошли в сумеречный коридор, увешанный плакатами с дебелыми радостными доярками, улыбочивыми белокурами комбайнерами, планами по удою и сбору овощей.

Отец увидел коллегу, лысенького мужичонку в клетчатом пиджаке:

Михаил Гольшев, 48 лет.

—
—
—

Отношение: равнодушие.

Значимость: 3.

Коэффициент влияния: 0.

Долго тряс его руку и расспрашивал о здоровье какой-то Марьи Андреевны, но Михаил не был настроен на диалог и бросил отца в разинутую пасть проблемы.

Директор был у себя, из-за обитой дерматином двери доносился его громкий голос, к счастью, гнева в нем не читалось. Я кивнул на дверь с надписью: «Бондарь Игорь Олегович». Отец пошел туда, ссутулившись, как на расстрел.

А я огляделся и, убедившись, что никого поблизости нет, прикинул ухом к двери, чтоб слышать отца. Вдруг испугается и включит заднюю. Но голос его был так тих, что слов я не разбирал, говорил он долго, и это обнадеживало...

– Я уже устал объяснять одно и то же: нет в совхозе денег! Нечем зарплату повышать! Скажите спасибо, что хоть что-то платим, в том числе овощами, везде люди месяцами денег не видят, некоторые даже голодают...

Только не сдавайся, отец! Иначе в кабинет ворвусь я, и тебе за себя будет стыдно... Не сдался, заговорил, причем громче, даже отдельные слова было слышно: «теснота», «уроки», «дом». Ну же, больше нажима! Молодец!

Повисла пауза, слово взял директор, причем голос его смягчился, он долго рассказывал, что участки берут, но ничего не строят, а изъять их нельзя, потому что они обменены на акции, рвение Сергея Ивановича похвально, и вот кадастровая карта, где отмечены свободные участки. Конечно, подумать можно, но не дольше пятнадцати минут, и с сыном поговорить можно.

Я едва по лбу не получил, метнулся к стене. Отец вышел всклокоченный, вспотевший, с сияющими глазами, он держал пару потрепанных листков формата А-4.

– Я тобой горжусь, папа! – Я подбежал к нему, взял оба листка.

На одном была кадастровая схема участков, что на холме в Денисовке, по четыре и шесть соток, на другом – наделы у самого города, в разделенном на частные владения поле недалеко от поселка, где тоже жили работники совхоза.

– Однозначно здесь, – я вернул ненужный лист с Денисовкой и с жадностью вперился во второй, выискивая участок, что будет поближе к центральной дороге и уже построенным домам – чтоб можно было кабель кинуть и врезать трубу в водопровод, а то пока проект дождешься, поседеть можно.

Господи, ну до чего же все было просто! Сколько возможностей упустили мои родители! Мать с ее зарплатой так две квартиры могла бы купить, если б не тратилась на никому ненужные предметы роскоши при том, что туалет на улице стоит.

– Почему там? – то ли удивился, то ли возмутился отец, не одобрявший мой выбор. – Мне на работу далеко, тебе – в школу.

– Подальше от бабушки, чтоб мать не бегала к ней или, того хуже, снова не перебралась. А на работу все равно оттуда рабочий автобус возит.

На самом деле причина была в другом: уже через пару лет здесь начнут строиться новые русские, и всеми презираемый район будет считаться элитным, но мои аргументы в глазах отца будут выглядеть кликушеством.

– Вот этот участок, восемь соток, – я дважды повторил номер, и тут распахнулась дверь, вышел начальник совхоза, невысокий круглый мужичок с залысинами, в потертых брюках и пожелтевшей от времени клетчатой рубахе, удивленно уставился на нас.

Тоже еще не сориентировался. Но через пару лет поймет, что сидит на бочке с золотом, припадет к сосцу и купит себе белый «мерседес».

– Игорь Олегович, – улыбнулся я. – Огромное вам спасибо! Вы даже не представляете, как нас выручили! Мы уже выбрали участок. – Я назвал номер, протянул директору план-схему, и отец, недовольно поглядывая на меня, отправился в кабинет писать заявление.

– Но почему там? – повторил Игорь Олегович вопрос отца. – Там никто не берет.

– Место перспективное, – ответил я. – Город рядом. Вы скоро сами поймете.

«...обанкротите совхоз, скупите акции по три копейки, будете приторговывать землей, обеспечите себя и сына, вот только оболтус ваш сопьется, правда, внука сделает толкового».

Я просканировал начальника взглядом, надеясь, что хоть у него есть коэффициент влияния:

Олег Бондарь, 44 года.

—

—

—

Отношение: слабое любопытство.

Значимость: 6.

Коэффициент влияния: 0.

Ожидая отца, я задумался над тем, как сыграть Тома Сойера и привлечь на стройку легион отцовских друзей – пусть причиняют пользу, дом строят. Но им нужно предложить что-то интересное.

Отец вышел минут через десять. Нет, не тот неуверенный в себе забитый человек – мужчина с расправленными плечами, вздернутым подбородком. Густые черные волосы волной, изумрудны глаза – даже если мать его отвергнет, то любая одинокая женщина с радостью примет, и он не погибнет так бесславно.

– Теперь что? – спросил отец.

– Теперь, папа, едем смотреть участок, где будет стоять наш новый дом! Сына ты уже родил, дерево наверняка посадил, остался дом, так ведь? И еще. Давай построим там баню и большую беседку, где будут собираться твои друзья.

– Так мать будет против, – проговорил отец, попытался завести мотор, но не получилось – зашелкал стартер, и тогда отец сделал то, что мне многие годы хотелось повторить: достал ручной стартер!

– Не будет она против. – Я выпрыгнул из машины и подошел к нему, вставляющему в принимающий разъем железный, похожий на изогнутую кочергу, стартер. – Наоборот, будет только за. Стой! Можно я это сделаю, у меня незакрытый гештальт с детства.

– Чего-чего? Вот уж мне этот жаргон!

Надо быть поосторожнее в выражениях, все же такие словосочетания пока не в ходу. Вспомнилось, как в четыре года я дружил с мальчиком из Украины, который жил недалеко. Их дом надвое делился между приличной женщиной с детьми и ее братом-алкоголиком, который разговаривал матом. Ну и однажды, вернувшись домой, я трехэтажно обматерил кота. А на

вопрос бабушки, где я такое услышал, сказал, что у Женьки все так по-украински разговаривают.

– Давно хотелось! – Я потер руки, схватит стартер, подналег, несколько раз провернул, и – тра-та-та! – загрохотало, заурчало мощное сердце машины.

Пока ехали, я просканировал отца, чтобы узнать его отношение ко мне: симпатия. И то хлеб. Спасибо, не равнодушие.

К участку ехали сквозь довольно запущенный поселок с покосившимися заборами, расположенный на склоне пологого холма, потом дорога оборвалась грунтовкой, мы добрались до крайнего дома с деревянным синим забором, и отец остановил машину напротив пустующего поля, где кое-где виднелись остовы недостроев.

– Где-то здесь, – сказал он и вздохнул. – Тут пшеницу выращивали. Так хорошо росла!

Я вспомнил схему, перешел через дорогу и указал на заросший бурьяном клочок земли.

– Вот он, на возвышенности, как мы и хотели... Опа!

В траве виделось нагромождение камней, какие-то плиты. Я побежал туда, цепляя штанами репья, и взобрался на добротный фундамент, обошел его, считая шаги, и произнес:

– Восемь на восемь! Как для нас заливали. Па, ну что ты стоишь? Иди сюда. – Дождавшись его, я указал на квадраты будущих комнат. – Вот кухня, большая, двенадцать метров... гля, даже отверстия под трубы! О, туалет, а вон та яма – видимо, под септик. Большая комната будет спальней, а вот эту большую разделим на две маленькие: мне и Катьке, а то невозможно всем вместе с бабушкой.

Бабушка Валя представлялась мне темным матриархом, разлагающим семью – из самых лучших побуждений. Нужно как-то ее нейтрализовать, она может весь план испортить.

Глава 9. Презрение и любовь

Став собой, Павлик с ужасом вспомнил, как дал в нос Гусю – аж обомлел от одного воспоминания. Осторожно покрутил событие в мозгу, посмотрел на него под разными углами, успокоился и даже собой возгордился: здорово ведь ответил пацанам – дерзко и остроумно. А главное, Агоп его зауважал и вряд ли будет трогать. И Гусь тоже.

А еще они с отцом ездили смотреть участок, где будет их новый дом! У Павлика наконец появится своя комната!

Вспомнилось, что Павел решил наладить с ним контакт письменно, Павлик достал из кармана записку, развернул ее.

«Привет, Пашка!

У меня предложение: давай взаимодействовать письмами, ведь ты меня не слышишь, а мне многое хочется тебе сказать.

Ты сегодня повел себя, как настоящий герой. Не представляешь, какой ты молодец. Если так пойдет и дальше, то к июню станешь похожим на человека, всех спасешь, и Леночка поцелует тебя на выпускном».

Мысли о Леночке Павлик от всех прятал, он так ее любил, что считал, прикосновение, а уж тем более поцелуй, осквернят ее, и ему показалось, что Павел подсматривает за ним, подслушивает. Нахлынула злость. Захотелось разорвать записку и послать Павла к черту.

Но Павлик очень быстро взял себя в руки и успокоился тем, что невозможно подглядывать за собой. Ведь Павел когда-то был им и думал точно так же, так что мысли и потаенные желания у них общие.

«Я не буду тебе ничего запрещать, не буду навязывать свое видение. Буду намечать цели, а ты выберешь самую удобную и начнешь ее реализовывать, а я тебе помогу. Ты знаешь, что с кем случится. Уверен, тебе этого не хочется, потому, думаю, ты согласен с моей задумкой строить дом. От тебя, парень, зависит больше, чем ты думаешь. Ты особенный.

Итак, план на завтра: выучить все уроки. Позаниматься: покачать пресс, поотжиматься, побегать. Не съесть ничего сладкого и мучного. Если будет очень не хотеться, отремонтировать стартер необязательно, можешь в Хмельницкое не ехать».

Чтоб не толкаться дома, Павлик снова переоделся в спортивный костюм и собрался на пробежку, но его перехватила бабушка:

– Ты куда намылился? Потянуло тебя в леса, как папочку? Катя, вон, и то на даче помогает, а ты взял моду! Чем бегать, лучше бы картошку на даче окучил, мать, вон, пошла! Катя и то пошла.

Так она и впечаталась в память – вечно всем недовольная, ворчащая, навязчивая, ничего не понимающая, ни с кем не считающаяся.

– Я пробегусь и тоже пойду, – ответил он.

– Так поздно будет. Вот где ты был? Почему никого не предупредил, что уходишь? Взрослый стал и плевать на нас хотел? Теть Лида сказала, что видела тебя с двумя наркоманами, вы к папке в машину сели и уехали.

В семье никто никого не ограничивал в перемещениях, но было принято отчитываться за каждый шаг, Павел же упустил из виду, что так надо, а Павлик, придавленный чувством вины, втянул голову в плечи, лихорадочно соображая, что отвечать. В такие моменты, когда не мог сразу сообразить и дать отпор, он себя презирал, ненавидел и пытался оуклится. Ну, не умеет он так, как Павел! Однако проснувшееся чувство собственного достоинства заставило скрипеть мозгами, и он придумал, как выкрутиться:

– В Денисовку папка подвез, я хотел на каратэ записаться в клуб... Или на гитару. Но никого на месте не было.

Как ни странно, подобное поощрялось и мамой, и бабушкой, потому она отстала, и Павлик добавил:

– Бегаю, потому что слабый. Надо худеть, а то меня на каратэ забьют.

– Надо, – согласилась бабушка и добавила с умилением. – Вытянулся. Взрослый совсем стал. Я тебе капустки натушила. Будешь с котлетами?

– Вау, здорово! Спасибо. Я голодный, как волк.

Бабушка всегда присутствовала на кухне, когда кто-то ел – ни Павлик, ни Павел не знали зачем. Не смотрела, не надзирала, просто крутилась вокруг.

Павлик перебирал воспоминания Павла – и общие, и то, что еще не случилось. В той реальности баба Валя пережила всех, кроме мамы, причем была глубоко несчастной, обиженной на белый свет. Можно ли сделать, чтоб она была счастливой хоть немного? Что ей нужно для счастья? Перестанет ли она тогда всех третировать?

Павлик обратился к себе взрослому, повторил мысль, но ответа не получил. Он знал, что Павел услышал и попытается выяснить. А еще подумал, что сам виноват, позволяя над собой смеяться одноклассникам – проблема решается как нельзя просто. И сам объявил войну даже тем, кто с ним не собирается воевать.

В девять утра, когда Павлик, зевая, поедал бабушкины сырники, пожаренные специально для худеющего внука, и рассыпался в похвале, потому что только так бабушка не будет запикивать в него гренки с пирожками, в дверь позвонили.

– Пашка! – крикнула Катя. – К тебе.

Бабушка нахмурилась.

– Кого там принесло? Поест не дадут.

– Иду! – отозвался Павлик, внутренне сжимаясь, он боялся, что это Агоп пришел за ним, чтоб идти в Хмельницкое чинить стартер, папка-то пригласил.

Павлик подумал, что такое не переживет. Одно дело в нос Агопу дать, другое – изображать друга. О чем с ним говорить? Что делать? Нет, не готов он, пошел Агоп к черту! На пути придумывая оправдание, Павлик отправился встречать друга-недруга, но на пороге с ноги на ногу переминался Валька, заискивающе тянул тонкую шею.

– Паша, – забормотал он. – Я вчера не поехал на аттракционы, давай сегодня? Меня мама отпустила! «Парк юрского периода» посмотрим. Ну?

Павлика жутко бесило его «меня отпустили», как будто он малыш. В четырнадцать-то лет! Он до сих пор у родителей отпрашивался: «А можно...». И вообще, Валька бесил, глупый он и недоразвитый. Павлик собрался сказать, что будет с отцом ремонтировать машину, но прислушался к себе и махнул рукой. Павел разрешил не ехать в Хмельницкое. Сегодня выходной, до тринадцати ноль-ноль еще четыре часа... Так хотелось на «сюрприз»! И в автоматы поиграть так хотелось! А уж новый фильм...

И Павлик проигнорировал обязательства.

– Я сейчас, – он заговорщически подмигнул и крикнул в спальню: – Ма, ба, я с Валентином в город!

– Ты ж еще не поел, – бабушка.

– Допоздна не гуляй, – мама.

В центр ехали на автобусе с гармошкой, устроились прямо на ней. Валентин трещал без умолку, рассказывал, что купил кассету «Ганз-н-роузес», делился школьными сплетнями про одноклассников. Спрашивал, не лез ли Пис. Павлик пожал плечами и подумал, какой же скучный у него друг. А следом пришла мысль, что еще три дня назад он таковым не казался, и Павлик бы складывался пополам от его плоских шуточек, теперь же понимал, что такой же плоской была его жизнь. Да что там говорить – не было у него жизни, он сбегал от реала в придуманные миры. Теперь же в голове крутились сюжеты гораздо более масштабные. Мало

того, там были сюжеты чужих еще не написанных книг. Павлик всегда мечтал быть знаменитым писателем, закрадывалась мысль их украсть, но это нечестно, да и неинтересно. Зато он знал, в какой временной промежуток какая тема выстрелит, а написать можно и самому.

Если бы его ровесники знали, насколько бездарно, на какую чушь они просаживают свое драгоценное время! И как захочется иметь в багаже опыта то, что лень сделать сейчас, а потом просто будет некогда. Но каждому времени свои развлечения, сейчас ему кататься хотелось куда больше, чем сидеть за книжками. А еще хотелось с кем-нибудь поговорить о том, что с ним происходит, но он догадывался, что нужно молчать.

Пока Валька рассказывал, как его одноклассницы бухали у клуба, а он ходил наблюдать, Павлик вспомнил, как Павел «читал» людей, просмотрел на лучшего друга и аж похолодел – а вдруг Валька плохо к нему относится? Но ничего не увидел.

Вскоре все его тревоги отступили: они приехали в центр и начали забег по пунктам видеопроката, Павлик попутно заходил в книжные, искал продолжение «Чужих», уж очень ему четвертая часть понравилась, по которой еще не сняли фильм[i]. Там был герой, Варковски, на которого очень хотелось быть похожим, и теперь Павлик знал: у него хватит сил таким стать.

Часы на Павлике всегда останавливались, потому время он постоянно спрашивал у Вальки, помня, что в тринадцать двадцать три придет Павел, и старался урвать как можно больше. Настроение было ну просто ух!

Событий стало так много, что на американской горке он даже не затаил дыхание – в жизни так же все стремительно. И куда более страшно, если вспомнить контролеров и допустить, что они вернуться, почуяв возросший коэффициент влияния.

В двенадцать тридцать они с Валькой уже ждали автобус – Павлик еще при выходе из дома предупредил друга, что ему нужно вернуться в обед. Валька сетовал, что так мало погуляли, канючил и вздыхал, но Павлик не сдавался. У Павла есть всего пять часов, он точно не обрадуется, если проведет полчаса в компании Вальки.

Автобус задержался, и потому, когда тело занял я, мы с Валькой тряслись в «Икарусе», стиснутые толпой со всех сторон. От нечего делать я принялся сканировать пассажиров, надеясь найти кого-то с положительным коэффициентом влияния, нашел лишь значимых, причем наибольшей значимость была у пожилой учительницы начальных классов.

Взгляд остановился на Вальке, и с мыслями «прости, Пашка», я его просканировал. И обалдел: отношение лучшего друга – легкое презрение. Накатила обида за себя-маленького, потом – злость. Павлик возвел Вальку в ранг лучшего друга, доверяет ему, сокровенным делится, на самом же деле он жалкий трус и лицемер, который рассказывает все родителям, в том числе – секреты друзей. Это выяснится позже, родители Вальки проболтаются бабушке Павлика, она ему передаст услышанное, и Павлик тоже начнет презирать Вальку, но водиться с ним перестанет гораздо позже.

Надо менять круг общения! И научиться понимать, где человек деликатный, а где трус и лицемер.

Всю дорогу Валька нес такую ересь, что если бы пассажиры, забившие автобус, не прижимали мои руки к телу, лицо покраснело бы от фейспалмов. Хотелось высказать ему, какой он слизняк, но это выглядело бы странно, да и Павлик должен сам с ним разобраться.

– Эй, ну ты чего? – заглянул в лицо Валька, заметив, как у «друга» изменилось настроение. – Из-за родителей? Мои тоже разбегались, потом сходились... Ну ты же не маленький!

Я нахмурился, пропуская первых ломящихся на выход пассажиров. На задней площадке стало посвободнее, я дотерпел до своей остановки, третьей в Штурмовом, и уже выйдя из автобуса, не выдержал, посмотрел на Вальку строго и сказал:

– Представь, что ты читаешь чужие мысли. Представил?

Валька кивнул и потер руки.

– Ага, круто!

– А теперь представь: ты узнал о том, что твой лучший друг... Единственный друг тебя презирает. – Валька побледнел. – За что ты меня презираешь? За то, что толстый или потому, что бедный? – Про трусость спросить не повернулся язык.

Валька отступил на шаг, неубедительно засмеялся.

– Ты это... Я – презираю? Тебя?! Да ты что!

– Кстати, передавать родителям то, что я сказал по секрету, вообще позор. Да-да, твои родители тоже обсуждают тебя с посторонними.

Развернувшись, я зашагал прочь, а Валька открывал-закрывал рот, но нужных слов не находил. Жалко его, но с подлецами-тихушниками сложнее, чем с гопотой, прямой, как палка. Жаль, Павлик этого пока не понимает. Валька подлизывается к нему только потому, что больше никто не хочет с ним дружить, родители же убеждают Вальку, что постыдно водиться с такими, как Павлик, нищebroдами. Видимо, их слова проросли в Валькином сердце.

Переступая порог дома, я надеялся, что все ушли на дачу, но меня окликнула бабушка:

– Что-то рано ты вернулся. Валька тоже приехал?

Ну вот, начинается: где был, что делал, а как, а что, съешь пирожок. Отвык я от тотального контроля. Чтобы не нагрубить, смолчал. В теле подростка бурлили гормоны, было сложно гасить эмоциональные вспышки. Чтобы подавить раздражение, я уставился на календарь, висящий над зеркалом в прихожей, но разозлился еще больше: сегодня воскресенье, двадцать пятое апреля. Первое мая и девятое выпадают на выходные, а я рассчитывал привлечь отца к строительству дома. Придется школу прогуливать...

Бабушка не отстала, вышла из кухни, вытирая руки о фартук.

– Голубчиков сделала, будешь?

Еле сдерживая злость, я просканировал ее, рассчитывая узнать, что ее отношение ко мне – раздражение, ненависть, пренебрежение, презрение...

Отношение: любовь.

Несказанные слова застряли в горле, волна злости схлынула, недоумение затрепыхалось рыбиной, выброшенной приливом. Как же так? Человек причиняет всем боль и неудобства, проявляя... любовь? А я, столько повидавший в жизни, многоопытный и седой, так и не научился разбираться в людях, и развернул против нее подрывную деятельность.

Во истину, тот, кого сложно любить, нуждается в любви больше всех.

Не сдержав эмоций, я подошел к бабушке и обнял ее.

– Спасибо, ты столько делаешь для нас!

Не умеющая получать любовь в ответ, она растопырила руки, как больная птица, и в глазах ее заблестели слезы.

Пообедав, я просканировал мать и Катю и выяснил, что мама равнодушна ко мне! Думал, отчуждение произошло, когда я не поладил с ее новым мужем, а оказалось, гораздо раньше. Но не это самое удивительное: ершистая, наглая сестрица, которую Павлик временами готов был убить, – симпатизирует ему, то есть мне!

В Хмельнице я добрался после двух. Агоп по приглашению отца не пришел, а тот, никого не дождавшись, с друзьями и Андреем отправился к истоку речки ловить раков. Вот так, кот из дома – мыши в пляс, всех нужно контролировать. Попив чаю с бабушкой, я провел беседу насчет наших с отцом планов и попросил направлять его, поддерживать мое намерение.

Она радостно оживилась, дала мне в обратный путь пирожков с разной начинкой и пообещала завтра сходить к врачу и сделать снимок легких. Я сел на велик и укатил, всей душой желая пирожка, но вытерпел, не съел, даже кусочка не попробовал.

Остался только один человек, которого я не навесил после возвращения – всеми презираемый дед Николай, обитающий на даче. Дача находилась между Хмельницким и Штурмовым – как раз по пути, завезу ему пирожки и сделаю то, что очень хотел, будучи взрослым, но дед

к тому времени уже умер. Заодно пирожки ему скормлю, а то еще бабушка Валя приревнует к пирожкам второй бабушки.

Дед склонился над картошкой, собирая колорадского жука в консервную банку и шевеля губами, меня он не заметил, а я нерешительно замер у калитки, потому что образ деда Николая выпал из памяти, я даже не помнил, как к нему обращаться. Дед для нас был чем-то типа домашнего клоуна. Я осознал, что мы, натравливаемые бабушкой, превратили в ад жизнь этого человека, и стыдно было посмотреть ему в глаза.

Долго скрывать свой визит не получилось – меня услышал Мухтар, мой любимый пес, помесь немецкой овчарки с кавказской. Повизгивая и ахая, он ринулся навстречу, едва не повалив меня, прижался спиной к ногам, подставляя шею для чесания, словно понял – мы не виделись четверть века, и вот я вернулся. Мухтар жил двенадцать лет и погиб под машиной, будучи еще бодрым и полным сил. Вместе с ним умерла моя юность.

Я помахал рукой обернувшемуся деду:

– Привет!

Он кивнул и занялся жуками. Воздав должное Мухтару, я направился в домик. Корявенькая дача была построена из кирпича, оштукатурена и разделена на три неравные части: жилая площадью метров двадцать пять, пристроенный небольшой хламовник, где хранились старые вещи, книги, тетради и садовый инвентарь, и деревянный курятник, где помимо двадцати кур и петуха, обитала коза Джина. В середине девяностых владельцы коз, не сговариваясь, стали называть их именами героев Санта-Барбары.

Кухня располагалась на деревянной, оплетенной хмелем веранде – двухкомфорочная печь, изнутри сгрызенная мышами, тумба-стол с сушилкой для посуды, где хранилась кухонная утварь, и газовый баллон.

Дед по-прежнему возился в огороде. Спина у него не гнулась, и он приседал, сильно сгибая колени. Бедный дед Коля, недолюбленный родителями старший сын – тот, кем всю жизнь жертвовали ради более слабых. Тот, кто пытался доказать родителям, что он не хуже, он тоже достоин любви, но так и не наполнивший бездонную бочку. Старик, затравленный внуками и женой. В захламленных недрах тумбы-стола я нашел чай, заварил его в чайнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.